

Учреждение Российской академии наук
Институт философии РАН

И. Ю. Алексеева

ЧТО ТАКОЕ ОБЩЕСТВО ЗНАНИЙ?

Москва
«КОГИТО-ЦЕНТР»
2009

УДК 101.1

ББК 87

А 47

Алексеева И. Ю.

А 47 Что такое общество знаний? – М.: Изд-во «Когито-Центр», 2009. – 96 с.

ISBN 978-5-89353-316-3

УДК 101.1

ББК 87

В книге представлена попытка прояснить содержание понятия «общество знаний». Отталкиваясь от представления об обществе знаний как таком, в котором инновационные процессы производства, приобретения, распространения и практического применения знаний превращаются в главную движущую силу социально-экономического развития, автор раскрывает междисциплинарный характер проблематики общества знаний, оценивает возможности различных подходов к ее исследованию. Трактовки общества знаний сопоставляются не только друг с другом, но и с теориями постиндустриального и информационного общества. Общество знаний определяется как несводимое к экономике знаний, хотя и предполагающее такую экономику.

© И. Ю. Алексеева, 2009

ISBN 978-5-89353-316-3

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
1 Общество знаний и «посткапитализм»	10
2 Знание как экономическая категория	15
3 Культура общества знаний	19
4 Знание – «ось» постиндустриального общества: концепция Д. Белла	24
5 Информационное общество: технологии, экономика, культура	30
6 Новое видение равенства как социальной ценности	42
7 Интеллект в экономических и технологических контекстах	47
8 Перспективы естественного интеллекта в эпоху информационных технологий	51
9 Интеллектуализация и эффективность человеческих систем	55
Заключение	59
Приложение 1: Наукокрайческие утопии XVII века	64
Приложение 2: Тема знания у Платона и Аристотеля	84

ВВЕДЕНИЕ

Выражения «общество знаний» и «общество знания»¹, вошедшие в моду относительно недавно, все чаще используются социологами, экономистами, теоретиками менеджмента для осмысления процессов, происходящих в хозяйственной и политической жизни, в информационной сфере, в структурах образования и науки, в отношениях внутри организаций и между организациями. В опубликованном ЮНЕСКО докладе с показательным заглавием «К обществам знания» утверждается: «Сегодня общепризнано, что знание превратилось в предмет колоссальных экономических, политических и культурных интересов настолько, что может служить для определения качественного состояния общества, контуры которого лишь начинают перед нами вырисовываться»². Общество знаний приобретает черты нового социального идеала, определяющего направленность стратегий и программ региональных, национальных и международных структур.

Авторы социально-философских работ, затрагивая тему общества знания, опираются на идеи, сформулированные представителями дисциплин, изучающих новые процессы в сферах управления и рынка. Между тем знание с древних времен является одним из важнейших феноменов, исследуемых философией.

1 И единственное, и множественное число слова «знание» в этих выражениях одинаково законны. Предпочтение того или другого может быть обусловлено вкусом автора, контекстом рассмотрения, желанием акцентировать характеристики единства или разнообразия, выступающие на первый план в анализируемой ситуации. Русское «общество знаний» (как и «общество знания») соответствует английскому «knowledge society».

2 К обществам знания: Всемирный доклад ЮНЕСКО. Париж: Изд-во ЮНЕСКО, 2005. С. 7.

Вопросы о том, что есть знание и как оно достигается, чем отличается настоящее знание от псевдознания, в чем заключается ценность знания для человека, ставятся и обстоятельно обсуждаются уже в диалогах Платона. Результатом внутрифилософской специализации стало формирование в Новое время теории познания¹, в рамках которой изучаются виды знания, способы его организации и механизмы функционирования, критерии достоверности и формы соотнесения знаний с действительностью.

Долгое время в центре теоретико-познавательных интересов находилось научное знание; образцом науки считалась математика, позже этот статус перешел к физике. Не удивительно, что, когда в XX веке оформляется новый раздел философского знания – философия науки, этот раздел развивается в тесной взаимосвязи с теорией познания. К началу века XXI и в философии науки, и в теории познания произошли существенные изменения. Поввысилось внимание к методам гуманитарных наук и характерным для этих наук формам организации знания. Все больше интересуют философов формы и способы познания мира, отличные от научных. Осознается растущая роль техники (не в последнюю очередь – инфокоммуникационных систем и сетей) в производстве и распространении знаний. Происходит переосмысление теоретико-познавательной проблематики, предлагается вариант неклассической эпистемологии, построенной вокруг понимания знания как феномена культуры². Следует подчеркнуть, что серьезное переосмысление никоим образом не означает забвения накопленного опыта, но предполагает новое, более широкое видение этого опыта, позволяющее использовать последний в постановке и решении задач современного миропонимания. Естественно ожидать, что, обращаясь к вопросам, касающимся природы и перспектив общества знаний, философия, изучающая феномен знания более двух тысячелетий, не будет следовать в фарватере экономических дисциплин и политических программ. Каким же может быть вклад философии в обсуждение данной темы? Разные философы дали бы разные ответы на этот

-
- 1 Этот раздел философии называют также гносеологией (греческое слово «гносис» означает «познание»), а в последнее время все чаще – эпистемологией (греческое «эпистеме» означает «знание»).
 - 2 В. А. Лекторский в разделе «Вместо введения» книги «Эпистемология классическая и неклассическая» пишет: «Тематика всей книги строится вокруг понимания знания как культурного феномена, который в современной культуре играет во многом новую роль» (*Лекторский В. А. Эпистемология классическая и неклассическая. М.: Эдиториал УРСС, 2001. С. 9*).

вопрос, а вклад философии в целом состоит из того, что делается отдельными людьми, посвятившими философии свои жизни. Автор этих строк, будучи одной из таких персон, считает первостепенной задачей определить не столько то, что именно будет делаться в процессе философского исследования, сколько то, как это будет делаться. Для характеристики направленности и стиля работы, результаты которой излагаются далее, подходит выражение «проясняющая философия».

Прояснение в данном случае не предполагает стремления переформулировать рассматриваемые понятия и суждения таким образом, чтобы достичь соответствия самым высоким требованиям строгости и точности. Проясняющая философия, следуя мудрому совету создателя науки логики¹, довольствуется той степенью определенности, которую допускает предмет рассмотрения, и сознает, сколь ограничены возможности точного анализа процессов общественной жизни и человеческого познания. При сопоставлении различных способов видения явлений и подходов к их изучению учитывается своеобразие применяемой в том или ином случае аргументации, обусловленное своеобразием опыта, позволившего выдвинуть соответствующие идеи и суждения.

Проясняющая философия стремится быть философией понимающей, а понимание здесь не только не противопоставляется объяснению², но нередко и предполагает последнее. Значение слова «объяснение» при этом не ограничивается процедурами подведения рассматриваемого явления под некий общий закон (хотя именно таким образом принято трактовать объяснение в методологии науки). Напротив, слово «объяснение» используется в смысле, близком тому, который оно имеет в естественном языке. И в повседневной жизни, и в разных сферах профессиональной деятельности используется множество видов объяснения, не предполагающих апелляции к общим законам. Объяснение намерений, целей и побудительных мотивов действий, объяснение мыслей, значений слов и так далее, и тому подобное – все эти объяснительные формы (как, впрочем, и подведение частного под общее) признаются здесь полноправными.

1 Аристотель говорил: «Рассуждение будет удовлетворительным, если удастся добиться ясности, сообразной предмету, подлежащему рассмотрению. Ведь не во всех рассуждениях, так же как не во всех изделиях ремесла, следует добиваться точности в одинаковой степени» (Аристотель. Никомахова этика. 1094b, 10–15).

2 Имеется в виду известное противопоставление понимания как метода гуманитарных наук объяснению как методу наук естественных.

Воздавая должное классическому идеалу организации знания в рамках стройной теории, проясняющая философия не считает отсутствие подобной теории (и даже сомнительность перспектив ее создания) свидетельством несерьезности предпринимаемых в рассматриваемой области познавательных усилий или незрелости их плодов. Проясняющая философия самым внимательным образом относится к новым формам концептуальных связей и взаимодействий, полагая важной своей задачей описание таких форм и изучение их возможностей.

Последнее необходимо, когда речь идет о понимании и прогнозировании процессов, осмысливаемых с использованием таких понятий, как «общество знаний», «информационное общество», «постиндустриальное общество». Со стороны выглядит удивительным беззаботное отношение занятых подобной тематикой людей к вопросам концептуальной последовательности, терминологической определенности, вариативности смыслов и целесообразности введения новых понятий, авторского приоритета и соизмеримости описаний. Тем не менее, здесь достаточно отчетливо просматриваются и основные точки притяжения исследовательского интереса, и общее содержание в разных характеристиках становящегося уклада, и повторяющиеся приемы соотнесения настоящего с прошлым и будущим, позволяющие делать прогнозы и создавать планы. Логика идей, выдвигаемых в русле данного направления, во многом определяется логикой изменения социально-экономических структур, стремительного развития технологий, проявления новых тенденций в культуре. Изменения, о которых идет речь, затрагивают существенные интересы людей, социальных групп, стран и народов, побуждают переосмысливать собственную роль в меняющемся мире, заново определять перспективы реализации имеющихся возможностей, способностей и талантов, распознавать опасности и находить способы их преодоления.

Как в первом приближении охарактеризовать общество знаний? В имеющихся сегодня публикациях на эту тему представлены различные подходы, своеобразие каждого из которых определяется выдвижением на первый план той или иной стороны рассматриваемого явления. Однако в любом случае речь идет об обществе, где главной движущей силой развития становится производство знаний и использование знаний. Под «использованием» в данном случае подразумеваются самые разные виды деятельности, в числе которых – приобретение знаний, распространение знаний, практическое применение знаний.

Общество знаний видится как новая стадия социально-экономического развития, почти достигнутая передовыми странами и обретающая черты более отдаленного, но не менее желанного будущего для тех, кто отстал в мировой технологической гонке. Означает ли это, что в прежние эпохи роль знания была незначительна? Очевидно, нет. Каменный век получил свое название от того, что орудия и оружие изготавливались людьми из камня. Однако одного только наличия камня было недостаточно для появления каменных изделий. Орудия и оружие были бы невозможны, если бы люди не приобрели знания о том, как сделать из камня скребок или топор, если бы знания о способах изготовления каменных изделий не передавались от одних людей к другим и не применялись на практике. Наступление железного века не означает, что именно в этот период появляются залежи железа в земной коре или куски железа метеоритного на земной поверхности. Все это имелось и в каменном, и в бронзовом веке. Новым стало добытое человеком знание о том, как выплавлять железо и использовать для человеческих нужд. Каменный век справедливо считать не столько веком камня, сколько веком знаний человека о камне – знаний, получение и хранение которых было неотделимо от практического применения. Подобным же образом мы можем утверждать, что бронзовый век был веком знаний о меди и олове (и способах изготовления из них сплавов), а железный – веком знаний о железе.

Из сказанного никоим образом не следует, что современные представления об обществе знаний не несут в себе ничего принципиально нового, что само понятие общества знаний бессмысленно и разговоры о достижении этой стадии развития несерьезны. Напротив, сопоставляя способы и формы бытия знания в современном обществе с теми, что были характерны для прошедших исторических эпох, мы лучше понимаем особенности имеющихся систем производства и применения знаний, оцениваем их перспективы.

ОБЩЕСТВО ЗНАНИЙ И «ПОСТКАПИТАЛИЗМ»

Идею общества знаний часто связывают с именем П. Дракера¹ – известного теоретика менеджмента. В 60-х годах XX века подобные идеи высказывали Ф. Махлуп, Д. Белл, Р. Лэйн и другие авторы. Однако предметом широкого общественного интереса идея общества знаний как общества будущего становится лишь в 90-х².

«От капитализма к обществу знания» («From Capitalism to Knowledge Society») – так называется первая глава книги П. Дракера «Пост-экономическое общество», вышедшей в свет в 1993 году и вскоре переведенной на многие языки. В этой работе представлен своеобразный итог многолетних исследований автора. (Первая книга Дракера – «Конец экономического человека» – была опубликована еще в 1939 году.)

Подчеркивая социопорождающую роль знания, Дракер характеризует знание не просто как силу, но как силу, способную создавать новое общество. «Пожалуй, нынешнее общество еще преждевремен-но рассматривать как «общество знания»; сейчас мы можем говорить лишь о создании экономической системы на основе знания... Однако общество, в котором мы живем, определенно следует характеризовать как посткапиталистическое», – пишет он³. Посткапитализм,

1 В этом контексте даются ссылки на работу: *Drucker P. The Age of Discontinuity, Guidelines to our changing society. New York: Harper & Row, 1969.*

2 См., напр.: *Mansell R., When U. Knowledge Societies: Information Technology for Sustainable Development. N. Y.: United Nations Commission on Science and Technology for Development, Oxford University Press, 1998.*

3 *Дракер П. Посткапиталистическое общество // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / Под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Academia. 1999. С. 71. (Перевод выполнен по изданию: Drucker P.F. Post-Capitalist Society. N. Y.: Harper-Collins Publishers, 1995.)*

по Дракеру, наступил тогда, когда знание, служившее прежде одним из видов ресурсов, стало главным ресурсом, а земля, рабочая сила и капитал стали играть роль сдерживающих, ограничивающих факторов.

Следует подчеркнуть, что посткапитализм, по Дракеру, не означает ни упразднения частной собственности на средства производства, ни существенного ограничения рыночных отношений. Напротив, движение к посткапитализму, а затем и к обществу знаний связывается данным автором со все более широким вовлечением знания в сферу действия рынка. Дракер выделяет три основных этапа в этом движении и описывает их следующим образом. Первый этап (с середины XVIII века до середины века XIX) характеризуется тем, что знание становится «общественным товаром». В этот период осознается практическое значение знания как одного из ресурсов и вида потребительских услуг. Именно такое отношение, подчеркивает Дракер, сделало возможной промышленную революцию. На этом этапе знание используется для создания техники и материального продукта.

Начало второго этапа автор относит к 1881 году. Объясняется это тем, что именно тогда «...американец Фридрих Уинслоу Тейлор (1856–1915) впервые применил знание для анализа продуктивной деятельности и проектирования трудовых процессов»¹. Характеристики второго этапа – революция в производительности труда, переход власти на предприятии от собственников к «профессиональным управленцам», заинтересованность рабочего в повышении прибыли предприятия. Именно распространение системы научного управления Тейлора, считает Дракер, привело к тому, что Марксов «пролетарий» превратился в «буржуа».

Третий этап, начавшийся после Второй мировой войны, определяется тем, что «знание теперь используется для производства знаний». Специфический смысл, вкладываемый автором в последнее выражение, раскрывается следующим образом: «В настоящее время знание систематически и целенаправленно применяется для того, чтобы определить, какие *новые* знания требуются, является ли получение таких знаний целесообразным и что следует предпринять, чтобы обеспечить эффективность их использования. Иными словами, знание применяется для систематических нововведений и новаторства»². (Дракер употребляет здесь слово «innovation», однако цитируемый перевод был опубликован в 1999 году, когда русская

1 Там же. С. 85.

2 Там же. С. 95.

калька этого слова – «инновация» – не использовалась столь широко, как сегодня.) Этот третий этап в изменении роли знания Дракер характеризует как «революцию в сфере управления» и считает его последним.

Можно иронизировать по поводу предлагаемой Дракером очередной «модели истории» и по поводу очередной версии «конца истории». Можно удивляться, почему этот автор игнорирует тот факт, что знание использовалось для производства орудий труда и до середины XVIII века, или то обстоятельство, что вопросами эффективного использования знаний для производства новых знаний люди стали заниматься задолго до XX века. Можно допустить, что Дракер, создавая картину революционных изменений в статусе знания, имеет в виду знание в каком-то особом смысле, существенно отличном от тех смыслов, с которыми нам до сих пор приходилось иметь дело. В последнем случае логично обратиться к Дракеру разъяснению современного понимания знания. Читаем следующее: «Знание сегодня – это информация, имеющая практическую ценность, служащая для получения конкретных результатов. Причем результаты проявляются вне человека – в обществе, экономике или в развитии самого знания»¹. Но такое разъяснение еще больше запутывает дело. Во-первых, феномен информации, имеющей практическую ценность для человека (и действительно используемой человеком), не есть достижение менеджериальной революции XX века. Уже древние люди умели пользоваться информацией, находить новые способы ее хранения и передачи. Во-вторых, критерий полезности (при любом из возможных толкований полезности) не может быть единственным критерием знания. Взаимосвязь категорий знания и истины не есть измышление древних философов, которое сегодня может быть отброшено за ненадобностью. Эта взаимосвязь – одна из несущих опор деятельности человека, – в какой бы сфере эта деятельность ни протекала и какие бы жаркие споры о том, что такое истина, ни вели философы. Знание, практическая ценность которого неясна, не перестает от этого быть знанием, а вот суждение, ложность которого стала очевидной, теряет статус знания, если таковой до тех пор имело.

Количество и качество недоумений и возражений, вызываемых книгой Дракера, таково, что побуждает сомневаться в целесообразности формулирования вообще каких-либо возражений по поводу работ такого рода. В данном случае мы имеем дело с текстом скорее рекламоподобным, чем академическим или популяризаторским,

1 Там же. С. 99.

а можно ли упрекать рекламу в неточности формулировок, непоследовательности или недостаточной аргументированности суждений? Возможно, дух рекламы и обеспечивает успех подобного рода работ. Ведь главное, что предлагается рекламой – не отдельный товар, а удовольствие, благополучие, успех, счастье. И сколь бы критично ни относился реципиент к рекламному сообщению, он в той или иной мере проникается настроением, которое призвана создать реклама.

Книги, подобные цитируемой, делают читателя счастливее. Они избавляют от мрачных предчувствий, связанных с перспективой истощенности природных ресурсов: ведь главный ресурс – знание, а создавать все новые и новые знания – в силах человека. Они вселяют веру в тех, кто, испытывая (пока!) недостаток в финансовых средствах, готов осваивать знания и применять их на практике, а в перспективе и создавать новые: было бы знание, а остальное приложится! Они обещают избавление от социальных конфликтов с помощью знания и пропагандируют имеющийся положительный опыт. Прогресс экономики в развитых странах, утверждает Дракер, достигнут благодаря управленческой мысли Тэйлора, а не за счет машинного производства (как считают инженеры) и не вследствие капиталовложений (как полагают экономисты). Среди студентов, изучающих менеджмент (да и среди их преподавателей) находится немало таких, кого вдохновляют подобные соображения.

Тема грядущего общества знаний, сопряженная с «открытием» того обстоятельства, что передовые общества Запада больше не являются капиталистическими, но находятся в стадии посткапитализма, приобретает особое звучание в современной России.

Экономические преобразования 90-х годов XX века происходили здесь под лозунгами утверждения капитализма как единственно правильной системы, позволяющей стране вернуться в лоно мировой цивилизации. Экономические идеологи, взявшие на себя роль проводников в мир благополучного Запада, поставили во главу угла частную собственность и свободный рынок. Мерилом всех (или почти всех) возможностей и достижений стали деньги. Надеждам общества на то, что приватизация государственной собственности и широкое распространение рыночных отношений обеспечат в кратчайшие сроки экономический подъем, повышение уровня жизни (не единиц, а масс!), развитие промышленности и науки, не суждено было сбыться.

Обществу потребовались объяснения происшедшего, и таких объяснений было предложено множество. Среди них – как ссылки

на незавершенность реформ, невозможность обеспечить чистоту капиталистического эксперимента из-за действий некомпетентных чиновников и неправильности населения, так и утверждения о том, что России нужно было не отказываться от социалистической экономики, а совершенствовать ее. Подобные мотивы, постоянно воспроизводящиеся в дискуссиях о постсоветском опыте и перспективах страны, рискуют надоесть и публике, и самим участникам дискуссий.

Ситуация меняется, если мы принимаем (пусть не в качестве несомненного, но хотя бы в качестве имеющего основания) взгляд на США и страны Западной Европы как на оставившие капитализм в прошлом и движущиеся к обществу знаний. Вопрос о том, что понимать под капитализмом, в данном случае вполне правомерен, однако этот вопрос – не главный. Главное – идея знания как основной движущей силы экономического и социального развития. Тем, кого вдохновляет эта идея, не обязательно разделять Дракеровы суждения о знании как таковом. Можно выстраивать собственную концепцию общества знаний, признающую и важность знаний, практическая полезность которых неясна, и культурные измерения знания. Делать это – не значит отрицать актуальность прикладных исследований, направленных на усовершенствование систем и методов управления как в бизнесе, так и в некоммерческих организациях – государственных и негосударственных. Напротив, такие исследования остро необходимы в России, перспективу выживания которой не случайно связывают сегодня с перспективой создания эффективной национальной инновационной системы.

ЗНАНИЕ КАК ЭКОНОМИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ

«Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации до 2020 года»¹ имеет все основания быть прочитанной как документ «посткапиталистической» направленности. Авторы исходят из того, что капитализм в стране в основном построен и настало время для «инновационного социально ориентированного типа экономического развития». Это предполагает превращение инноваций в ведущий фактор экономического роста, повышение производительности труда, резкое увеличение как числа предприятий, осуществляющих технологические инновации, так и доли инновационной продукции в объеме выпуска, опережающее развитие человеческого потенциала.

Будущее России разработчики стратегии связывают не только с добычей полезных ископаемых, но и с созданием конкурентоспособной экономики знаний и высоких технологий. Определение «экономики знаний и высоких технологий» дается перечислением составляющих ее сфер деятельности и секторов хозяйства. К таковым в документе отнесены «сферы профессионального образования, высокотехнологичной медицинской помощи, науки и опытно-конструкторских разработок, связи и телекоммуникаций, наукоемкие подотрасли химии и машиностроения».

Исследования по экономике знаний ведутся сегодня во многих странах, в том числе и в России². Необычность знания как

1 «Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации до 2020 года» утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 г. № 1662-р.

2 См., напр: Макаров В.Л. Экономика знаний: уроки для России // Вестник Российской академии наук. Т. 73. № 5 (2003); Foray D. The Economics of Knowledge. The MIT Press, 2004; Степанова Т.Е., Манохина Н.В. Экономика,

экономического ресурса порождает специфические сложности измерений. Измерение затрат на производство знаний и доходов от «проданных знаний» необходимо, однако явно недостаточно для понимания экономических аспектов бытия знания. Экономика знаний как новое направление в экономической науке интересуется также данными, традиционно относящимися к науковедению – например, количественными характеристиками различных категорий научных публикаций. Практическая направленность подобного рода исследований состоит, в конечном счете, в том, чтобы содействовать созданию благоприятных условий для развития экономики знаний¹ как хозяйственного уклада. При этом речь может идти как о наукоемких и высокотехнологичных отраслях, так и об эффективном использовании знаний во всех отраслях экономики. Сегодня существуют различные системы показателей, характеризующих развитие экономики знаний. Так, индекс Всемирного банка определяется на основе показателей, относящихся к институциональному режиму, стимулирующему эффективное использование ресурсов и создание новой продукции, к уровню образования населения и возможностям переподготовки, к системе инноваций и технологической адаптации, а также к развитию информационно-коммуникационной инфраструктуры. Примечательно, что в 2008² году 1-е место по совокупности этих показателей заняла Дания. У США – 9-е место, у Японии – 19-е, у Российской Федерации – 61-е. Впереди РФ оказались бывшие советские республики Прибалтики, Украина, Армения.

Впечатляющие размеры доходов от реализации интеллектуальных продуктов (при небольших или относительно небольших затратах материальных и финансовых ресурсов на производство таких продуктов), как и многократное превышение бухгалтерской стоимости высокотехнологичного бизнеса его рыночной стоимостью, радикально меняют экономическую картину мира, и такие изменения характеризуются сегодня как порождаемые знанием. Широко известный пример – фирма «Microsoft», рыночная стоимость которой в 2003 году оценивалась в 350–400 млрд долл., стоимость по прибыли составляла 50–70 млрд, а бухгалтерская стоимость всего 5–10 млрд.

основанная на знаниях (теория и практика): Учебное пособие. М.: Гардарики, 2008.

- 1 Экономика знаний в этом смысле называют также знаниеемкой экономикой и экономикой, основанной на знаниях.
- 2 http://siteresources.worldbank.org/INTUNIKAM/Resources/KEI2008Highlights_final12052008.pdf.

Фирма «Nimtanda», купившая права на распространение электронной игры «Тетрис», получила более 1 млрд долл. Вычислительный центр, продавший права этой фирме, – 4 млн долл., а программист вычислительного центра Пажитнов, придумавший эту игру, – 15 тыс. долл.¹ Данные подобного рода используются для измерения рыночной стоимости знания или того, что условно называют знанием.

Подчеркнем, что в подобных контекстах задача выделения собственно знания из многообразия факторов нематериального и нефинансового характера не ставится. Напротив, словом «знание» обозначают все «невидимые» активы. В учебнике «Управление знанием в инновационной экономике» поясняется, что к невидимым активам фирмы относят вложения в человеческий капитал фирмы и в НИОКР, сюда же включают торговую марку, интеллектуальную собственность, квалификацию менеджеров и персонала, отношения с потребителями и поставщиками, внутрифирменную культуру (этика и социальная ответственность – компоненты такой культуры). Все это называют также интеллектуальными активами или «знаниями», а управление такими активами – «управлением знанием»². Очевидно, что смысл слова «знание» как термина профессиональной лексики менеджмента знаний существенно отличается не только от философских трактовок знания, но и от того, что понимают под знанием в повседневной жизни. Во всяком случае, в обычном мире не называют знанием ни торговую марку, ни отношения между людьми и организациями.

Из сказанного никоим образом не следуют какие-либо рекомендации по изменению профессиональной лексики менеджмента знаний или экономики знаний. Подобные рекомендации были бы не только заведомо безнадёжны, но и не имели бы достаточных оснований. В конце концов, творец языка – народ, в том числе и та часть народа, которая трудится в упомянутых областях. Выражение «измерение знаний» удобней в использовании и звучит привлекательней, чем длинное «измерение рыночной стоимости нематериальных активов». Если бы автор этих строк занималась такого рода деятельностью, то, наверное, с удовольствием говорила бы, что измеряет знания и управляет знаниями. И гордилась бы тем, что ее работа содействует развитию инновационной активности и эффективному использованию интеллектуального потенциала.

1 См.: Макаров В. Л. Экономика знаний: уроки для России // Вестник Российской академии наук. Т. 73. № 5. (2003). С. 450.

2 См.: Управление знанием в инновационной экономике: Учебник. М.: Экономика, 2009.

Недоразумения возникают тогда, когда за пределами экономических контекстов ценность знания понимают как его рыночную стоимость или полагают, что можно измерить в денежных единицах знание как таковое. К экономическому фундаментализму такого рода не имеют (или почти не имеют) отношения сами экономисты. Защита диссертаций по экономическим наукам не требует измерения в денежных единицах объемов нового знания, созданного соискателями. Благоприятную почву для фундаментализма такого рода создает распространение рыночных принципов на все сферы деятельности и виды человеческих отношений. Коммерциализованное мировоззрение отказывается видеть мир без «финансово-экономических очков», оценка рыночной стоимости становится главной оценкой всего, что создано человеком. Суждения о художественных достоинствах литературного произведения или кинофильма выглядят легковесными и субъективными на фоне весомых и объективных показателей продаж, гонораров, кассовых сборов. Тиражи научных монографий кажутся убогими в сравнении с тиражами бульварных изданий, доход от продажи первых (если он вообще есть) неизмеримо меньше дохода от продажи последних – значит, монографии создают те, кто недостаточно талантлив, чтобы производить бульварную литературу. Так говорят сегодня – пока не все, но подобные заявления уже не выглядят удивительными. А завтра скажут, что и знаний в книге по физике меньше, чем в детективе, – ведь знания измеряются деньгами. И будет ли публика слушать ученых экономистов, пытающихся разъяснить, что результат физических или математических исследований – особый вид знания и для его измерения нужны другие методы?

КУЛЬТУРА ОБЩЕСТВА ЗНАНИЙ

Общество знаний не сводится к экономике знаний, последствия такой редукции опасны для человека – эти мысли проводятся сегодня авторами, обеспокоенными перспективой превращения знания в экономическую (и по преимуществу экономическую!) категорию. «Общество знаний против экономики знаний» – показательное название одного из сборников по этой тематике. Впрочем, общество знаний не противопоставляется здесь экономике знаний. Авторы настаивают лишь на том, что между этими понятиями имеется различие, существенным образом влияющее на видение природы и социальной роли структур, обеспечивающих производство и передачу знания.

В упоминавшемся выше докладе ЮНЕСКО представлена попытка очертить контуры будущего общества знаний. И эта попытка заслуживает серьезного внимания. Принципиальное значение имеет то обстоятельство, что в названии доклада – «К обществам знания» – слово «общество» употреблено во множественном числе. «Множественное число здесь использовано очевидно не случайно, – разъясняют авторы доклада, – а для того, чтобы подчеркнуть, что не существует какой-то единой модели, которую можно „поставить под ключ“ и которая недостаточно отражала бы культурное и языковое многообразие, которое одно только и может позволить каждому человеку ориентироваться и найти свое место при нынешних стремительных изменениях. Построение любого общества всегда включает различные формы знания и культуры, в том числе и те, на которые оказывает сильное влияние современный научно-технический прогресс. Нельзя допустить, чтобы революция в сфере информационных технологий и коммуникации привела к тому, что, исходя из логики узко-технологического детерминизма и фатализма,

рассматривалась бы как возможная лишь одна-единственная форма общества»¹. Унификация и стандартизация, предполагающая переформатирование имеющихся знаний и отказ от не укладывающихся в новые форматы традиций – не тот путь, который авторы считают оптимальным. Исходя из предпосылки, что каждое из существующих ныне обществ имеет собственные преимущества в сфере знания, они ставят вопрос об использовании этих преимуществ в процессах развития экономики знаний. В этом контексте «осознание каждым обществом богатства знаний и способностей, которыми оно обладает, с целью их лучшей оценки и использования» видится как условие нахождения обществом адекватных ответов на вызовы, связанные со стремительными изменениями, происходящими в мире.

В докладе подчеркивается важность культурного и лингвистического многообразия, необходимость поощрения многообразия для развития творческого потенциала формирующихся обществ знания. В качестве одной из основных опасностей, грозящих обществу (или обществам) будущего, рассматривается опасность «познавательного разрыва» между странами самыми благополучными и самыми обездоленными, а внутри одной страны – между разными категориями населения. «Общества знания не должны стать обществами разобщения», «Общества знания должны обеспечивать совместное использование знаний» – эти мотивы относятся к числу основных, звучащих в докладе ЮНЕСКО.

К подобным документам не следует подходить с теми же мерками, что и к научным монографиям. Доклад характеризует идеологию и общие ориентиры деятельности, воплощаемые впоследствии в конкретных программах организации. Тем не менее, такого рода доклад может представлять научную ценность. Содержащиеся в нем идеи можно одобрять или подвергать аргументированной критике, развивать или оценивать как имеющие сомнительную перспективу. Можно принимать или критиковать предложенные разъяснения основных понятий. Когда речь идет об обществе будущего, нельзя ограничиться описанием настоящего, – необходим прогноз или проект (или и то, и другое). В цитируемом докладе ЮНЕСКО проектное начало преобладает над прогностическим. Это вполне объяснимо и правомерно. «Антифаталистическая» направленность, как и внимание к нравственному измерению сложных культурных процессов и явлений, которые не сводятся к экономическим

1 К обществам знания: Всемирный доклад ЮНЕСКО. Париж: Изд-во ЮНЕСКО, 2005. С. 18–19.

или узко-технологическим составляющим – отличительные стороны работы, представленной в докладе.

Один из параграфов доклада посвящен культуре инноваций. Подчеркивается, что сегодня ориентация на новшества и нововведения не ограничивается сферой «технических инноваций в глобальной экономике знания», но пронизывает разные области культуры, включая образование, средства массовой информации, политику. Изменение ценится больше, чем постоянство, разрыв с традицией – больше, чем преемственность.

В этих условиях, справедливо отмечают авторы доклада, становится актуальной проблема стабильной основы для творчества и обновления – основы, без которой место долгосрочной перспективы занимают конъюнктурные соображения, рентабельность и мода. Непредсказуемость инноваций, необходимость принимать во внимание условия, стимулирующие возникновение инновационного процесса, забота о смягчении социальных и культурных последствий «творческого разрушения», будущее образования, статус науки, роль политических инвестиций в науку и в новые разработки – эти и многие другие проблемы нашли отражение в докладе.

Примечательно, что авторы не соглашаются с позицией, согласно которой формирование инновационной системы в развивающихся странах возможно без развития в этих странах фундаментальной науки. «Инновационная система предполагает взаимодополняемость фундаментальных исследований и внедрения технологических нововведений, – сказано в докладе. – Однако раздается множество голосов в поддержку идеи о том, что развивающиеся страны нуждаются в прикладных, а не в абстрактных фундаментальных исследованиях. Однако трудно понять, например, каким образом страна или группа стран могут вести исследования в сфере биотехнологий, не располагая учреждениями, занимающимися фундаментальной биологической наукой»¹. Заметим, что отношение к фундаментальной науке как непозволительной роскоши находит сторонников и в современной России – как среди чиновников государства, так и среди сотрудников научных учреждений. Своеобразие ситуации в нашей стране в сравнении с ситуацией в странах, относимых к категории «развивающихся», определяется фактом наличия фундаментальной науки. Там, где таковая отсутствует, суть вопроса состоит в следующем: стоит ли стремиться к тому, чтобы фундаментальная наука в стране появилась? В России, унаследовавшей от СССР фундаментальную науку, суть вопроса иная: стоит ли стремиться

1 Там же. С. 108.

к тому, чтобы фундаментальной науки в стране не стало? Именно это – суть вопроса, облакаемая, как правило, в более мягкие формулировки. Когда процессы разрушения и обветшания национального научного комплекса (действительно имеющие место) используются как основание для вывода «Лучше никакой науки, чем такая», это свидетельствует о примитивизированном покупательском подходе, не учитывающем ни сложности феномена науки, ни перспектив развития страны. Не допустить исчезновения российской науки – значит создать условия и стимулы для превращения научного комплекса с теми (во многом неудовлетворительными)¹ свойствами, которыми он обладает сегодня, в научный комплекс со свойствами желаемыми. Решение этой задачи требует производства новых знаний о науке и о среде, в которой наука функционирует, и эффективного практического применения этих знаний.

Исследование, изобретение, внедрение нового в практическую деятельность (производство и предложение интеллектуальной или материальной продукции, пользующейся общественным спросом), наконец, получение той или иной формы признания (возможно, в виде дохода от продажи продукции) – составляющие инновационного цикла, в который может быть вовлечено множество людей и организаций. «Ученый», «изобретатель», «предприниматель» – условные (весьма условные!) обозначения основных типов деятелей, чьи интересы и результаты работы должны достигать той степени соответствия, которая делает возможной инновационное развитие. Если «изобретателя» не интересуют исследования, а «предпринимателя» не интересуют изобретения, судьба «исследователя» ставится под вопрос. Однако сегодня способность к инновациям признается условием конкурентоспособности, а сопротивление инновации – феноменом, который следует изучать, чтобы найти способы его преодоления.

Кросскультурные исследования показывают, что российские студенты относятся к инновациям не менее позитивно, чем студенты канадские, а индекс инновативности личности у российских студентов выше, чем у студентов из США². И вряд ли подобные качества характеризуют лишь нынешнее поколение учащейся молодежи. Творчество – одна из основных ценностей русской культуры – официально

1 См., напр.: Семенов Е. В. Сфера фундаментальных исследований в постсоветской России: невозможность и необходимость реформ // Информационное общество. 2007. Вып. 1–2.

2 См.: Лебедева Н. М., Ясин Е. Г. Культура и инновации: к постановке проблемы // Форсайт. № 2 (10). 2009. С. 21–22.

провозглашалась ценностью культуры советской. Однако и повседневный опыт, и статистика неумолимо свидетельствуют: по показателям инновационной активности Россия отстает не только от стран Запада, но и от бывших социалистических стран.

Знание о том, как создать эффективную национальную инновационную систему, сегодня остро необходимо в нашей стране. Решат ли проблему импортные «модели» и рекомендации, разработанные на основе сопоставления стран «первого» и «третьего» мира? Или это должно быть знание отечественного производства (а знакомство с зарубежным опытом может использоваться «всего лишь» как информация к размышлению)?

В данном контексте заслуживает внимания продвигаемая В. Е. Лепским идея разработки субъектно-ориентированных технологий обеспечения инновационных процессов. Речь идет о «высоких гуманитарных технологиях», необходимых на разных уровнях принятия решений в разных сферах общества. «Очевидно, что в решении стратегических вопросов инновационного развития, – пишет В. Е. Лепский, – должен быть задействован коллективный интеллект, мощные, как правило, распределенные аналитические и экспертные системы. Точные прогнозы в экономической и научно-технической сфере, объективная информация об исследованиях и разработках, развитая практика независимой экспертизы – все это средства реального влияния на инновационные процессы и управление ими»¹. Не лишено оснований и утверждение этого автора о том, что в России сегодня речь должна идти о «мирововоззренческой революции в массовом сознании», не последнюю роль в которой призваны сыграть СМИ. Необходимо подчеркнуть, что проблема формирования инновационной культуры выходит далеко за пределы экономической науки и требует профессионального внимания представителей самых разных областей знания – гуманитарных, технических, естественных.

1 Лепский В. Е. Субъектно-ориентированный подход к инновационному развитию. М.: Когито-Центр, 2009. С. 129.

ЗНАНИЕ – «ОСЬ» ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА: КОНЦЕПЦИЯ Д. БЕЛЛА

Чем отличается общество знаний от информационного общества? А от постиндустриального общества? Очевидно, ответы на эти вопросы зависят от того, какой смысл вкладывается в каждое из упомянутых понятий. Иногда говорят, что постиндустриальное общество приходит на смену индустриальному (что видно уже из названия), через какое-то время постиндустриальное общество становится информационным (т.е. информационное общество – стадия в развитии общества постиндустриального), а за информационным обществом следует общество знаний. Объяснить такой способ «упорядочения» можно, по-видимому, тем, что широкую известность соответствующие идеи приобретали именно в такой последовательности. Однако выдвинуты все эти идеи были почти одновременно, а осмысливаемые с их помощью социальные, технологические и экономические процессы тесно переплетены между собой.

В современной литературе можно найти разные понимания того, что такое постиндустриальное общество. Некоторые авторы подчеркивают определяющий характер экологических проблем для постиндустриальной стадии развития, другие называют постиндустриальным «общество меньшинств», где никто не чувствует себя принадлежащим к большинству населения, но каждый является представителем какой-либо малой группы (выделяемой по образу жизни, интересам, нравственным или политическим позициям или по другим основаниям). Предложения договориться о значении терминов в подобных случаях неуместны. Выражение «постиндустриальное общество» давно уже ведет свободную жизнь, не желая связывать себя твердыми обязательствами с тем смыслом, который вкладывался в него создателем концепции постиндустриализма

Д. Беллом. Тем не менее, именно Беллова концепция постиндустриального общества может рассматриваться как классическая. И не только потому, что была выдвинута раньше других, но главным образом потому, что до сих пор остается образцом социальной концепции в полном смысле этого слова – внятно сформулированной, имеющей солидное обоснование, обстоятельно изложенной. При этом, разумеется, не бесспорной.

Книга американского социолога Д. Белла «Грядущее постиндустриальное общество: опыт социального прогнозирования»¹ была впервые издана в 1973 году. Представленные в ней идеи и выводы во многом основаны на анализе изменений в структуре занятости. Эти изменения свидетельствовали о расширении сферы услуг, увеличении числа рабочих мест, требующих средне-специального и высшего образования, о возрастании числа ученых и инженеров. В ряду авторов, результаты исследований которых использовались Беллом, – Ф. Махлуп и М. Порат. Предметом внимания Белла стал феномен НИР (научных исследований и разработок) как показатель растущей роли научного знания в развитии техники и производства, а также появление наукоемких отраслей промышленности – таких как электроника, оптика, вычислительная техника, химическая индустрия. Большое впечатление на американского ученого произвело теоретическое обоснование возможности вмешательства правительства в экономику, предпринятое Кейнсом, а также макроэкономические исследования С. Кузнеца и Дж. Хикса, способные служить основой решений о государственной поддержке тех или иных секторов экономики.

В истории человечества Белл выделяет три стадии – аграрную, индустриальную и постиндустриальную. Очерчивая контуры постиндустриального общества, он отталкивается от характеристик индустриальной стадии. Подобно другим теоретикам индустриализма (прежде всего Т. Веблену), Белл трактует индустриальное общество как организованное вокруг производства вещей и машин для производства вещей. Постиндустриальное общество характеризуется тем, что центральное место здесь занимает знание, и притом знание научное. «Конечно, знание необходимо для функционирования любого общества. Но специфика постиндустриального общества определяется характером знания, – считает Белл. – Главную роль в процессах принятия решений и управления изменениями играет теперь теоретическое знание... Современное общество существует

1 *Bell D. The Coming of Post-Industrial Society. A Venture in Social Forecasting. N. Y.: Basic Books, Inc., 1973. P. 20.*

благодаря инновациям и социальному контролю за изменениями, стремится предвидеть планировать будущее. Именно изменение в осознании природы инноваций делает решающим теоретическое знание»¹.

Роль теоретического знания определит, по мнению Белла, и положение ученого как центральной фигуры постиндустриального общества. В постиндустриальном обществе сформируется новая элита, принадлежность к которой станет возможной благодаря квалификации и образованию, а не в силу обладания собственностью или положения в политической структуре. «Бережное отношение к талантам и распространение образовательных и интеллектуальных институтов станет главной заботой общества», – прогнозировал Белл². Если в индустриальной экономике ключевым институтом было предприятие, производящее вещественные блага, то в наступающей эпохе центральным учреждением будет университет или какая-либо иная форма институционализации знания. До сих пор, подчеркивает Белл, власть находилась в руках делового сообщества, хотя сегодня разделяется до некоторой степени с профсоюзами и государством. Тем не менее, большая часть решений, от которых зависит повседневная жизнь человека (речь идет о доступных видах работы, размещении заводов, инвестициях в производство новой продукции, распределении налогового бремени, профессиональной мобильности), принимаются бизнесом, а с некоторых пор и правительством, которое отдает приоритет процветанию бизнеса. В постиндустриальном обществе, по Беллу, важнейшие решения относительно роста экономики и ее сбалансированности будут исходить от правительства, но будут основываться на поддерживаемых правительством научных исследованиях и разработках.

Соединение науки, техники и экономики находит выражение в феномене НИР, который, по мнению Белла, должен играть все более важную роль в обществе, устремленном в будущее. Забота о будущем – еще одно важное свойство постиндустриального

1 *Bell D. The Coming of Post-Industrial Society. A Venture in Social Forecasting.* N. Y.: Basic Books, Inc., 1973. P. 20. Цитата переведена И. Ю. Алексеевой. В русском издании («Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования» / Пер. с англ. М.: Academia, 1999, с. 25) перевод этого места из книги Белла выглядит несколько иначе.

2 *Bell D. The Coming of Post-Industrial Society. A Venture in Social Forecasting.* N. Y.: Basic Books, Inc., 1973. P. 345.

общества – предполагает оценку технологий, контроль за технологиями, прогнозирование технологического развития.

Постиндустриальная эпоха, прогнозировал Белл, будет временем расцвета новой интеллектуальной технологии, используемой в управлении организованной сложностью (крупной организацией, большой системой, теорией со многими переменными). Он полагал, что к концу XX века новая интеллектуальная технология будет играть столь же выдающуюся роль в человеческих делах, какую играла машинная технология в прошедшие полтора века. Интеллектуальная технология заменяет интуитивные суждения алгоритмами. Эти алгоритмы могут быть реализованы в автоматической машине, в компьютерной программе или в наборе инструкций, основанных на математических формулах. Примеры новых интеллектуальных технологий, по Беллу, предоставляют теория игр и системный анализ. «Цель новой интеллектуальной технологии, – пишет он, – состоит не больше и не меньше как в том, чтобы воплотить мечту социального алхимика: „упорядочить“ массовое общество. Ныне в этом обществе миллионы людей каждодневно принимают миллиарды решений: что купить, сколько иметь детей, за кого голосовать, на какую пойти работу и т. д. Любой частный выбор так же непредсказуем, как и движение атомов в квантовой физике, произвольно воздействующих на измерительный прибор, но все же совокупную составляющую можно вывить столь же четко, как это делает геодезист, определяя методом триангуляции высоту и горизонт. Но непредсказуемо поведение отдельного атома, в то время как поведение совокупности может быть очерчено столь же четко, как треугольники в геометрии»¹. Признавая, что осуществление такой цели есть утопия и что она неосуществима постольку, поскольку человек сопротивляется рациональности, Белл считает, однако, что движение к этой цели возможно. Если роль «мастера» в интеллектуальной технологии играет теория принятия решений, подчеркивает Белл, то роль «инструмента» выполняет компьютер. Без компьютера применение новых математических средств было бы предметом лишь интеллектуального интереса или осуществлялось бы с «очень низкой разрешающей способностью». Именно компьютеры, позволяющие выполнять значительное число операций в течение короткого интервала времени, делают возможным развитие интеллектуальной технологии.

1 Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / Пер. с англ. М.: Academia, 1999. С. 43–44.

С возрастающей ролью теоретического знания как источника инноваций в различных областях связано изменение понятия услуги. Постиндустриальное общество характеризуется как такое, где на смену «экономике товаров» приходит «экономика услуг». В сферу услуг теперь включается здравоохранение, образование, многие виды исследований и управления.

Белл использовал понятие индустриального общества для характеристики прошлого и настоящего многих стран, в числе которых такие политические антагонисты, как США и СССР. По прогнозу этого ученого, к началу XXI века в постиндустриальную стадию развития должны были вступить США, Япония, Советский Союз и страны Западной Европы.

Постиндустриализм в его классическом варианте обрел как многочисленных приверженцев, так и серьезных критиков. В СССР постиндустриализм был изначально отвергнут как проявление технологического детерминизма, связанное с надеждами разрешить противоречия капиталистического общества за счет развития науки и техники. Заявление Белла о том, что СССР (наряду с передовыми странами капиталистического мира) движется к постиндустриальной стадии, вызывало гнев уже потому, что официальная советская идеология провозглашала основной задачей страны построение коммунистического общества и не нуждалась ни в какой постиндустриальной перспективе. Не желали постиндустриальной перспективы для Советского Союза и такие авторы, как З. Бжезинский (соглашавшийся с Беллом практически по всем позициям, кроме этой). Бжезинский связывал с наступлением новой технологической эры новые надежды на дезинтеграцию СССР при соответствующей политике американского правительства¹. Во Франции Белла критиковали за то, что он якобы предлагает вариант либерального подхода и склонен рассматривать конфликты только в терминах рынка².

Прилагательное «постиндустриальное» указывает лишь на положение рассматриваемого типа общества во временной последовательности стадий развития – «после индустриального», но не «схватывает» его качественную определенность. Стремление отразить в названии новой исторической ступени черты, обусловившие ее качественное отличие от предыдущих, привело к появлению

1 См.: *Brzezinsky Z. Between Two Ages. America's Role in the Technotronic Era.* N. Y.: The Viking Press, 1970.

2 См.: *Nora S., Minc A. The Computerization of Society. A Report to the President of France.* Cambridge, L., 1980. P. 133.

таких названий, как «технотронное общество», «телематическое общество», «высокотехнологичное общество», «информационное общество», «общество знаний». Соответствующие идеи и концептуальные построения, как правило, имеют существенные черты сходства с белловским постиндустриализмом, хотя и акцентируют разные моменты в экономическом, технологическом и социальном развитии.

ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО: ТЕХНОЛОГИИ, ЭКОНОМИКА, КУЛЬТУРА

С конца 60-х годов XX века и до наших дней предложено множество толкований того, что такое информационное общество. При всем разнообразии акцентов, степени внимания, уделяемого тем или иным технологическим, экономическим или социальным процессам, информационное общество рассматривается в рамках основных концепций как обладающее, по крайней мере, следующими характеристиками. Прежде всего, это высокий уровень развития компьютерной техники, информационных и телекоммуникационных технологий, наличие мощной информационной инфраструктуры. Отсюда – такая важная черта информационного общества, как увеличение возможностей доступа к информации для все более широкого круга людей. Наконец, практически все концепции и программы развития информационного общества исходят из того, что информация и знания становятся в информационную эпоху стратегическим ресурсом общества, сопоставимым по значению с ресурсами природными, людскими и финансовыми¹.

1 Так, в «Концепции движения Москвы к информационному обществу» утверждается: «Общепринятой дефиниции информационного общества нет, но большинство специалистов сходятся в том, что его сущность определяют несколько взаимосвязанных процессов». В качестве таких процессов отмечаются следующие: «информация и знания становятся важным ресурсом и подлинно движущей силой социально-экономического, технологического и культурного развития»; «формируется рынок информации и знания как фактора производства наравне с рынками природных ресурсов, труда и капитала»; «стремительно растет удельный вес отраслей, обеспечивающих создание, передачу и использование информации»; «развитая информационная инфраструктура превращается в условие, определяющее национальную и региональную конкурентоспособность не в меньшей степени, чем, например, транспортные коммуникации»;

Впервые в достаточно отчетливом виде идея информационного общества была сформулирована в 60-х годах XX столетия. Однако еще раньше, в 40-х, австралийский экономист А. Кларк¹ писал о перспективе общества информации и услуг, а в 50-х американский экономист Ф. Махлуп² говорил о наступлении информационной экономики.

Изобретение самого термина «информационное общество» приписывается профессору Токийского технологического института Ю. Хаяши³. Контуры информационного общества были обрисованы в докладах, представленных японскому правительству в конце 60-х–начале 70-х годов такими организациями, как Агентство экономического планирования, Институт разработки и использования компьютеров, Совет по структуре промышленности. Показательны названия докладов: «Японское информационное общество: темы и подходы» (1969), «План информационного общества» (1971), «Контуры политики содействия информатизации японского общества» (1969). Информационное общество определялось здесь как такое, где процесс компьютеризации даст людям доступ к надежным источникам информации, избавит их от рутинной работы, обеспечит высокий уровень автоматизации производства. При этом изменится и само производство – продукт его станет более «информационно емким», что означает увеличение доли инноваций, проектно-конструкторских работ и маркетинга в его стоимости; производство информационного продукта, а не продукта материального будет

«развитие и активное внедрение во все сферы деятельности новых информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) существенно меняет модели образования, труда, общественной жизни, отдыха» (См.: Концепция движения Москвы к информационному обществу // Информационное общество. Международный информационно-аналитический журнал. № 3. 2001. С. 7). В «Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации» в качестве одного из базовых принципов указывается свобода и равенство в доступе к информации и знаниям, а в качестве одного из основных направлений – обеспечение высокого уровня доступности для населения информации и технологий (См.: Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации от 7 февраля 2008 г. № Пр-212 // Российская газета. Федеральный выпуск № 4591 от 16 февраля 2008 г.).

- 1 *Clark C. The Conditions of Economic Progress. L., 1957.*
- 2 *Machlup F. The Production and Distribution of Knowledge in the United States. Princeton, 1962.*
- 3 *Masuda Y. The Information Society as Postindustrial Society. Wash.: World Future Soc., 1983.*

движущей силой образования и развития общества¹. Уделяя много внимания трансформации человеческих ценностей в информационном обществе, И. Масуда, глава Института информационного общества и один из авторов Плана информационного общества, представленного Институтом разработки и использования компьютеров, полагал, что информационное общество будет бесклассовым и бесконфликтным, видел информационное общество как общество согласия, с небольшим правительством и государственным аппаратом. Он подчеркивал, что в отличие от индустриального общества, специфической ценностью которого является потребление товаров, информационное общество выдвигает в качестве особой ценности время, и в этом контексте новое значение приобретает культурный досуг.

Японский вариант концепции информационного общества разрабатывался, прежде всего, для решения задач экономического развития Японии. Это обстоятельство обусловило его в известном смысле ограниченный и прикладной характер. Однако в 70-е годы идея информационного общества приобретает популярность в США и странах Западной Европы и приобретает черты универсалистской идеологии.

Вариант конвергенции идей постиндустриализма и информационного общества представляет изданная в 1980 г. книга Д. Белла «Социальные рамки информационного общества»². Выражение «информационное общество» у Белла – это новое название для постиндустриального общества, подчеркивающее не его положение в последовательности ступеней общественного развития – после индустриального общества, а основу определения его социальной структуры – информацию. Здесь, как и в книге «Грядущее постиндустриальное общество», первостепенное значение придается информации, включенной в функционирование научного знания и получаемой благодаря такому знанию. Информационное общество в трактовке Белла обладает всеми основными характеристиками постиндустриального общества (экономика услуг, центральная роль теоретического знания, ориентированность на будущее и обусловленное ею управление технологиями, развитие новой интеллектуальной технологии). Однако если в «Грядущем постиндустриальном обществе» электронно-вычислительная техника рассматривалась как одна из наукоемких отраслей и как необходимое средство для решения сложных задач (с применением системного

1 Masuda Y. The Information Society as Postindustrial Society. Wash.: World Future Soc., 1983. P. 29.

2 Bell D. The Social Framework of the Information Society. Oxford, 1980.

анализа и теории игр), то в «Социальных рамках информационного общества» большое значение придается конвергенции электронно-вычислительной техники с техникой средств связи. «В наступающем столетии, – утверждает здесь Д. Белл, – решающее значение для экономической и социальной жизни, для способов производства знания, а также для характера трудовой деятельности человека приобретет становление нового социального уклада, зиждущегося на телекоммуникациях»¹.

В разработанной Беллом концепции постиндустриализма делался упор на то, что развитие электронно-вычислительной техники дает возможность перерабатывать огромные объемы информации для принятия решений, в первую очередь, правительственными структурами. В предлагаемой Беллом концепции информационного общества подчеркивается важность обеспечения доступа к необходимой информации индивидов и групп. Автор пишет об угрозах полицейского и политического наблюдения с использованием изощренных информационных технологий. Знание и информацию Белл называет не только «агентом трансформации постиндустриального общества», но и стратегическим ресурсом такого общества. В этом контексте он видит проблему информационной теории стоимости. «Когда знание в своей систематической форме вовлекается в практическую переработку ресурсов (в виде изобретения или организационного усовершенствования), можно сказать, что именно знание, а не труд выступает источником стоимости», – пишет Белл. Он, как и ряд других авторов, настаивает на необходимости нового подхода к экономике. В отличие от доминирующих подходов, акцентирующих те или иные комбинации капитала и труда в духе трудовой теории стоимости, новый подход должен рассматривать информацию и знания в качестве «решающих переменных постиндустриального общества», подобно тому как труд и капитал рассматривались в качестве решающих переменных индустриального общества.

Концепции информационной экономики развивали в середине XX века М. Порат², А. Кеннет³, Т. Стоуньер⁴. Т. Стоуньер исходит

- 1 Белл Д. Социальные рамки информационного общества. Сокращ. перев. Ю. В. Никуличева // Новая технократическая волна на Западе. Под ред. П. С. Гуревича. М., 1988. С. 330.
- 2 Porat M. U. The Information Economy. Ph. D. Dissertation. Department of Communications. Stanford. August 1976.
- 3 Kenneth A. The Economics of Information. // The Computer Age: A Twenty-Year View. Cambridge: MIT Press, 1986.
- 4 Stonier T. The Wealth of Information: Profile of Post-Industrial Economy. L., 1983.

из посылки, что добавленная стоимость может быть результатом приложения не только труда, но и информации. Развитие информационной экономики как нового раздела экономической науки он связывает с поиском ответа на вопрос о том, что представляет из себя добавленная стоимость объекта, материала, человека или процесса после приложения к ним информации. При этом следует иметь в виду, что информация добавляет стоимость не только к труду или к капиталу, но и к самой себе. «Проблема точного определения ценности нового знания и образования с точки зрения традиционной экономики – крайне сложный вопрос, – пишет он. – ...До тех пор, пока в экономике не появится свой Эйнштейн, который сумеет квантифицировать взаимоотношения между информацией, производительностью и другими экономическими факторами, возможно, правомерно полагать, что основной фактор роста национального продукта – это прогресс знания и технологии, поскольку не существует ни одного вида человеческой деятельности, которая прямо или косвенно не содержала бы в себе информационной компоненты»¹. Триаду «аграрное–индустриальное–информационное» Стоуньер представляет следующим образом. В аграрной экономике хозяйственная деятельность была связана с производством достаточного количества продуктов питания и лимитирующим фактором была доступность хорошей земли. В индустриальной экономике хозяйственная деятельность была производством товаров, а лимитирующим фактором выступал капитал. В информационной экономике лимитирующим фактором становится наличное знание. Хозяйственную деятельность, характерную для этой ступени развития, Стоуньер рассматривает как производство и применение информации с целью повышения эффективности всех других форм производства.

Идеи информационной экономики получили определенную поддержку и среди советских экономистов. Ю. М. Каньгин и Г. И. Калитич писали: «Так называемый информационный взрыв и побуждает формировать принципиально новую – автоматизированную „нервную систему“ общества и создавать новую информационную среду, радикально повышающую интеллектуальную отдачу отдельных людей, коллективов (организаций) и общества в целом. К этому и сводится социальная информатизация, выводящая на первое место среди всех факторов прогресса человечества семантическую

1 Цит. по: Стоуньер Т. Информационное богатство: Профиль постиндустриальной экономики. Сокр. перев. гл. 1, 2, 3 // Новая технократическая волна на Западе. Под ред. П. С. Гуревича. М., 1986. С. 395.

информацию, т. е. понятийные знания, представленные и распространяемые в виде сообщений. Материально-энергетические (включая технические и трудовые) факторы социально-экономического развития оказываются в подчиненном положении по отношению к творческим (интеллектуально-организационным) факторам»¹. В СССР проблематика информационного общества осмысливалась в таких понятиях, как «компьютеризация» и «информатизация».

Очевидно, что идеи информационной экономики не только родственны идеям экономики знаний, но во многом совпадают с последними. К информационной экономике и экономике знаний следует отнести и «новую экономику», в смысле М. Кастельса. Это «новая форма осуществления коммерческой деятельности, всех ее видов, посредством Интернета, с использованием Интернета и в Интернете, а также в других компьютерных сетях при наличии различного рода связей с локальными производственными процессами и физическими операциями»². «Самопрограммирующаяся рабочая сила», технологическое новаторство, осознание роли финансовых рынков в хозяйстве – основные черты «новой экономики».

В рамках идеологии информационного общества обозначились различные направления и тенденции, концентрирующие внимание на тех или иных сторонах существующих в обществе отношений по поводу информации и технико-технологических средств ее передачи, хранения и переработки, рассматривающие различные социальные перспективы в качестве возможных, желательных или негативных. В работах Белла делался явный упор на новые, положительно оцениваемые возможности государственного регулирования экономики в информационном обществе. Государственное регулирование предполагает принятие законодательных мер для обеспечения свободного доступа к информации и предотвращения угрозы политического и полицейского наблюдения за индивидами с использованием изоощренной информационной техники. Совершенно иначе видел будущее государства французский социолог Ж. Элль. Он утверждал, что информационное общество, будучи «осуществлением идей социалистического, анархического и пацифистского характера», предполагает ликвидацию централизованного бюрократического государства.

1 Каныгин Ю. М., Калитич Г. И. Социально-экономические проблемы информатизации. Киев: УкрНИИНТИ, 1990. С. 3.

2 Кастельс М. Галактика Интернет: размышления об Интернете, бизнесе и обществе / Пер. с англ. А. Матвеева под ред. Харитонов. Екатеринбург: У-Фактория (при участии изд-ва Гуманитарного ун-та), 2004. С. 127.

В книге С. Нора и А. Минка «Компьютеризация общества. Доклад Президенту Франции»¹ информационное общество характеризуется как сложное общество, в культуре которого возникают серьезные проблемы. Авторы уверены, что понять эти проблемы в русле постиндустриального подхода Белла невозможно. Такой подход, утверждают они, позволяет увидеть в будущем только «транквилизованное» постиндустриальное общество, где изобилие и сближение жизненных стандартов позволят объединить нацию вокруг огромного культурно гомогенного среднего класса и преодолеть социальные противоречия. Постиндустриальный подход продуктивен, когда речь идет об информации, управляющей поведением производителей и покупателей, но бесполезен при столкновении с проблемами, выходящими за сферу коммерческой деятельности и зависящими от культурной модели. Не способен принять во внимание возрастающую сложность современного общества и марксистский подход, считают Нора и Минк. Ведь этот подход, признавая конфликты, сводит их к противоречию между двумя классами, организованными вокруг производства. Авторы характеризуют «марксистское управление, практикуемое в восточных странах» как такой тип управления, когда индивидуальные планы не принимаются в расчет, но каждой группе и каждому индивиду отводится соответствующая роль в выполнении коллективного плана. При этом устанавливается система репрезентации, которая обеспечивает связь между коллективным планом и поведением индивида. Слабость такой системы заключается в ее внутренних противоречиях, утверждает в книге. Гражданское общество не говорит: «то, что оно выражает, скрывается в пропастях, в расщелинах»; поэтому логика центра склонна отрывать от реальности.

Квалифицируя и «либерально-постиндустриалистский», и марксистский подходы как «мистифицирующие» (примечательно, что английский перевод книги вышел с предисловием Д. Белла), авторы доклада выдвигают идеал такого информационного общества, где «организованность совпадает с добровольностью». Это «совершенное рыночное общество», где образование и информация сделают каждого человека осознающим коллективные ограничения, и «общество совершенного планирования», где центр получает от каждой единицы базиса верные сообщения о ее целях и предпочтениях и в соответствии с этим формирует собственную

1 Доклад был впервые опубликован в Париже в 1976 г. на франц. яз. В данной работе использован перевод на англ. яз.: *Nora S., Minc A. The Computerisation of Society. A Report to the President of France. Cambridge, L., 1980.*

структуру и позицию. В информационном обществе, подчеркивают Нора и Минк, групповые планы в большей мере, чем ранее, выражают социальные и культурные устремления. Одновременно будут возрастать и внешние давления. В этих условиях «только власть, обладающая надлежащей информацией, сможет способствовать развитию и гарантировать независимость страны»¹.

Название одной из глав книги С. Нора и А. Минка – «Будет ли компьютеризованное общество обществом культурных конфликтов?». Полагая, что информационное общество будет менее четко социально структурировано и более полиморфно, чем общество индустриальное, авторы прогнозируют, что одним из факторов полиморфизма явится отношение различных групп к тенденции упрощения языка, связанной, не в последнюю очередь, с экономичностью баз данных и различных форм электронно-опосредованной коммуникации. Предлагая единый язык, компьютеризация будет способствовать преодолению культурного неравенства. Этот упрощенный язык будет совершенствоваться и становиться пригодным для все более развитых диалогов, и все же он будет встречать сопротивление. Приемлемость этого кодифицированного языка будет зависеть от культурного уровня субъектов, что обусловит дискриминационный эффект телематики. «Более чем когда-либо язык становится ставкой культуры», – утверждали французские авторы. Информационное общество, предсказывали они, будет обществом борьбы за язык между разными группами.

Наиболее влиятельные социологические концепции, выдвинутые в начальный период формирования идеологии информационного общества, подчеркивали ценность научного, теоретического знания и/или достоверной информации, прогнозировали возрастание их роли в обществе с развитием компьютерных и телекоммуникационных технологий. Впоследствии усиливаются тенденции, подчеркивающие значение ненаучной информации и связывающие перспективы формирования информационного общества с «утратой научным дискурсом его привилегированного статуса». В информационном обществе позиции научного знания ослабевают, считает М. Постер². С его точки зрения, адекватная социология электронно-опосредованных коммуникаций возможна только в том случае, если наука рассматривается как один из видов дискурса наравне с другими³.

1 Там же. Р. 135.

2 М. Постер – американский социолог, принадлежащий к французской интеллектуальной традиции структурализма и постструктурализма.

3 См.: *Poster M. The Mode of Information: Poststructuralism and Social Context.* Cambridge: Polity Press, 1990.

Д. Белл и от этого автора получает упреки в том, что игнорирует культурное измерение информации. Идея информационной экономики неправомерно сводит коммуникацию к экономической метафоре, а в целом белловский постиндустриализм «подавляет лингвистический уровень явлений, которые рассматривает в качестве новых», – утверждает Постер.

Он считает неправильным трактовать информацию как экономическую сущность и подводить теоретическую базу под распространение товарных отношений на информационную сферу. Постер подчеркивает, что легкость копирования и распространения информации разрушает правовую систему, устои которой были сформированы для защиты частной собственности на материальные вещи. Он настаивает, что в эпоху конвергенции вычислительной техники и техники средств связи невозможно адекватно понять социальные отношения, если не принимать во внимание изменений в структуре коммуникационного опыта.

Предлагаемая Постером концепция «способа информации» призвана «расшифровать» лингвистическое измерение новых форм социальных взаимодействий, осуществляемых в компьютерных сетях. Автор преднамеренно выбирает выражение, вызывающее ассоциации с Марксовой концепцией «способа производства»: в современной культуре «информация» становится чем-то вроде фетиша, и «способ информации» – вполне уместная метафора для такой культуры. В качестве ступеней производства информации рассматриваются следующие: а) устно опосредованный обмен «лицом к лицу»; б) письменный обмен, опосредованный печатью и в) электронно опосредованный обмен. Если для первой ступени характерно согласование символов, а для второй – знаковая репрезентация, то для третьей ступени характерно информационное моделирование. На первой, устной, ступени субъект определяется как тот, кто произносит нечто, вписывающееся в систему межличностных отношений. На второй, печатной, ступени субъект конструируется как агент, являющийся центром рациональной/воображаемой автономии. На третьей, электронной, ступени субъект децентрализуется, рассеивается и множится в сплошной неустойчивости – предоставляя информацию о себе для самых разных баз данных, «раздваиваясь» в процессе создания электронных текстов, используя новые возможности коллективного авторства и игр с идентичностью, предоставляемые компьютерными сетями.

Примечательно, что о возможностях информационного моделирования как «моделирования самого себя» М. Постер писал в конце

80-х, когда Интернет не был еще повседневностью для миллионов людей. В девяностых и нулевых новые культурные феномены, порождаемые стремительным развитием информационно-коммуникационных технологий, стали объектом внимания многих авторов.

Статус «цифрового субъекта»¹, новое видение памяти, смерти и бессмертия в эпоху, когда гигабиты и мегабиты информации о каждом из нас аккумулируются в самых разных информационных лакунах², способы адаптации человека в новой информационной среде³, философия послания⁴ и этика электронно опосредованной коммуникации – подобные вопросы относятся к числу тех, чья актуальность сегодня не вызывает сомнений. К числу важных проблем информационного общества как реальности следует отнести и те, что касаются соотношения научного и ненаучного знания, достоверной и недостоверной информации (или дезинформации), информации, которая может быть оценена по шкале «истинно–ложно», и информации, не допускающей в принципе применения таких оценок. Все это – темы дискуссий философского, психологического или социологического характера.

Использовать на благо людей возможности, предоставляемые современными информационно-коммуникационными технологиями – основной пафос официальных стратегий и программ развития информационного общества, принимаемых правительствами разных стран, межгосударственными объединениями, органами управления в регионах. Так, «Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации» провозглашает целью формирования и развития информационного общества «повышение качества жизни граждан, обеспечение конкурентоспособности России, развитие экономической, социально-политической, культурной и духовной сфер жизни общества, совершенствование системы государственного управления на основе использования информационных

- 1 См., напр.: *Capurro R. Towards an Ontological Foundation of Information Ethics // Ethics and Information Technology. V. 8 №4. 2006; Capurro R., Pingel K. Ethical Issues of Online Communication Research // Ethics and Information Technology. V. 4. №3. 2002.*
- 2 См.: *Ваганов А. Г. Смертоносная память // Влияние Интернета на сознание и структуру знания. М.: ИФ РАН, 2004.*
- 3 См., напр.: *Петрова Е. В. Человек в современной информационной среде: проблемы социальной адаптации // Информационная эпоха: новые вызовы человеку и обществу. М.: Широкий взгляд, 2008.*
- 4 *Takenouchi T. Capurro's Hermeneutic Approach to Information Ethics: Ethos in the Information Society and the Development of «angeletics» // International Journal of Information Ethics. V. 1 (06/2004) www.ijie.org.*

и телекоммуникационных технологий»¹. Количественные показатели, предусмотренные подобного рода документами, характеризуют технологические и экономические аспекты информационной сферы. «Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации» предусматривает целый ряд контрольных значений показателей развития информационного общества, которые должны быть достигнуты до 2015 г. В этом ряду – уровень доступности для населения базовых услуг в сфере информационных и телекоммуникационных технологий (100%), уровень использования линий широкополосного доступа на 100 чел. населения (15 линий к 2010 г. и 35 – к 2015 г.), число домашних хозяйств, где имеются персональные компьютеры (не менее 70% от общего числа домашних хозяйств), доля библиотечных фондов, переведенных в электронную форму, в общем объеме фондов общедоступных библиотек (не менее 50%), доля отечественных товаров и услуг в объеме внутреннего рынка информационных и телекоммуникационных технологий (более 50%); рост объема инвестиций в использование информационных и телекоммуникационных технологий в национальной экономике (не менее чем в 2,5 раза по сравнению с 2007 г.). Очевидно, такие показатели позволяют судить, прежде всего, об успехах в создании современной информационной и телекоммуникационной инфраструктуры и соответствующем уровне доступности для населения информации и технологий.

Один из важных показателей, предусмотренных «Стратегией», – место России в международных рейтингах развития информационного общества – в числе двадцати ведущих стран мира к 2015 г. Следует подчеркнуть, что подобные рейтинги основаны, главным образом, на данных, характеризующих распространение технологий. Так, индекс Международного телекоммуникационного союза учитывает 11 показателей. В их ряду – те, что характеризуют доступ к информационно-коммуникационным технологиям (включая мобильную связь и стационарные телефоны), распространенность широкополосной связи, число пользователей Интернета и их грамотность, число домашних хозяйств, где имеются компьютеры. Данные за 2002–2007 гг. свидетельствуют о том, что, несмотря на все усилия, предпринимаемые в развивающихся странах, не удалось уменьшить цифровой разрыв между странами развитыми и отстающими. Индекс развития информационно-коммуникационных

1 Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации от 7 февраля 2008 г. № Пр-212 // Российская газета. Федеральный выпуск № 4591 от 16 февраля 2008 г.

технологий называют еще индексом развития информационного общества. Очевидно, в подобных случаях под информационным обществом понимают соответствующие компоненты техносферы и сегменты рынка.

На таком фоне вполне объяснимым выглядит стремление противопоставить общество знаний обществу информационному. В докладе ЮНЕСКО утверждается: «Понятие информационного общества основывается на достижениях технологии. Понятие же обществ знания подразумевает более широкие социальные, этические и политические параметры»¹. Примечательно, что первая глава доклада называется «От информационного общества к обществам знания», а становлению глобального информационного общества отводится роль средства создания «настоящих обществ знания». Вместе с тем многие проблемы, которые рассматриваются в упомянутом докладе как характерные для общества знаний, достаточно давно обсуждаются в контексте проблематики информационного общества. Сказанное в полной мере относится к проблеме «познавательного разрыва», которая осознается сегодня как одна из важнейших проблем становления обществ знания. Понятие «познавательный разрыв» имеет непосредственное отношение к такому понятию, как «информационное неравенство».

1 К обществам знания: Всемирный доклад ЮНЕСКО. Париж: Изд-во ЮНЕСКО, 2005. С. 19.

НОВОЕ ВИДЕНИЕ РАВЕНСТВА КАК СОЦИАЛЬНОЙ ЦЕННОСТИ

Техноцентристским идеалом глобального информационного общества является совершенствование информационных технологий, их распространение по всему миру и расширение доступа к информационным ресурсам – прежде всего, через компьютерные сети. Предельным случаем выступает состояние, когда любой человек, находящийся в любой точке земного шара (и даже за его пределами), в любое время может получить необходимую ему информацию. Собственно, этот идеал и задает магистральное направление в движении к информационному обществу, а затем в совершенствовании такого общества и достижении им стадии зрелости. В подобном контексте информация видится как вещь, или квазивещь, которой одновременно может пользоваться сколь угодно большое число людей без всякого ущерба для нее самой, а развитие демократии рассматривается как направленное на обеспечение технических и организационных возможностей для доступа к такой ценной вещи, как информация.

Противоречие между формальным равенством граждан перед законом (которое дополняется провозглашением формального равенства возможностей) и реальным (порой вопиющим!) неравенством в обладании основными жизненными благами с давних пор дает повод говорить о лицемерном характере существующих демократических режимов. В этом контексте информация выглядит некой «палочкой-выручалочкой» – тем уникальным благом, которого может хватить на всех, особым ресурсом, не убывающим от его употребления.

Проблема равного доступа к информационно-коммуникационным технологиям активно обсуждалась в этическом и общесоциологическом контексте уже в середине 80-х годов. Противоречия между

идеалом информационного общества и реальными диспропорциями в распространении компьютерных технологий было осознано как возникновение нового вида неравенства. Появились опасения, что общество в промышленно развитых странах раскалывается на «информационно богатых» и «информационно бедных», причем «информационно богатыми» становятся «просто богатые», а «информационно бедными» – «просто бедные», и, таким образом, богатство и бедность воспроизводятся на новом технологическом уровне. Энтузиасты информационного общества провозглашали, что равные возможности будут обеспечены равным доступом к информации, что информационная эпоха позволит решить острые проблемы общества (в том числе проблемы бедности, безработицы, социальной несправедливости), однако реальные процессы распространения и использования информационно-коммуникационных технологий, скорее, опровергали, чем подтверждали подобные представления.

Равенство в доступе к информационно-коммуникационным технологиям становится в информационную эпоху одним из важнейших аспектов равенства как социальной ценности. Что же касается реально существующего неравенства в этом отношении, то оно осознается как важная, а порой и как главная составная часть проблемы информационного неравенства в целом.

Идеал доступности информации нашел отражение в Хартии глобального информационного общества, принятой в 2000 г. на встрече в Окинаве глав государств «большой восьмерки», где участвовал и президент Российской Федерации. Окинавская хартия (в пункте 9) провозглашает: «Каждый человек должен иметь возможность доступа к информационным и коммуникационным сетям». Эта задача понимается сегодня как преодоление так называемого цифрового разрыва («digital divide»). Под «цифровым» (или «электронно-цифровым») разрывом понимается растущее неравенство в доступе к информационно-коммуникационным технологиям между разными странами, а также между различными социальными группами внутри одной страны¹.

Тем не менее, не следует забывать, что проблема информационного неравенства как таковая возникла задолго до появления глобальных компьютерных сетей. Этой проблеме посвящены имеющие солидную «досетевую» историю дискуссии об информационном колониализме и культурном империализме, которые до начала 90-х

1 См., напр.: Авдеева Т. Г. Проблема «цифрового разрыва» в международных экономических дискуссиях // Проблемы преодоления «цифрового неравенства» в России и странах СНГ. М., 2000. С. 9.

годов XX века воспринимались в нашей стране как нечто экзотическое, касающееся некоторых народов Азии, Африки и Латинской Америки. О превращении России в информационную колонию (как об опасности, а то и как о свершившемся факте) всерьез заговорили лишь в 90-е годы.

Изменение политических и социально-экономических основ жизни в этот период сопровождалось (и во многом определялось) сменой культурных ориентаций. Это происходило в условиях, когда развитие информационных технологий открыло новые возможности для распространения потребительских предпочтений и вкусов от более мощных в технологическом отношении субъектов к более слабым, а проблемы научно-технической политики, направленной на обеспечение достойного места страны в мировом разделении труда, не вызывали в правящих кругах должного интереса. А. И. Ракитов в книге «Философия компьютерной революции», изданной в 1991 г., писал о перспективах такого вида социально-экономической, политической и духовно-культурной сегрегации, при котором «в наиболее развитых информационных обществах сконцентрируется вся или почти вся интеллектуальная индустрия. Они станут источником, хранителем и держателем основных интеллектуальных ресурсов, производителем доминантных информационных технологий, продуцентом основных культурных и социально-гуманитарных потребностей. Остальные же страны мира превратятся в потребителя информационной технологии и информационной продукции, производителя сырья и отдельных видов промышленной продукции»¹. Ученый выражал вполне обоснованную обеспокоенность тем, что реальная политика руководства страны способствует (пусть и непреднамеренно) переходу России в разряд информационных колоний.

Так называемый информационный империализм как разновидность империализма культурного связывают с возросшими опасностями конфликтов ценностей и норм, характерных для различных национальных культур. Обычно культурный империализм понимается как использование политического, экономического и технологического могущества для распространения ценностей и обычаев иноземной культуры, ведущего к вытеснению ценностей культуры национальной. С социал-дарвинистских позиций данный процесс оценивается как вполне нормальный: считается, что вытеснение одних культур другими неизбежно, поскольку в культурной эволюции, как и в любой эволюции, наиболее сильные

1 Ракитов А. И. Философия компьютерной революции. М., 1991. С. 271.

и приспособленные выживают за счет слабых¹. Оппоненты подобных воззрений подчеркивают, что «сильнее» не значит «лучше», а потому замена ценностей более слабой в экономическом или военном отношении (или просто менее агрессивной) группы ценностями группы, более сильной в этих отношениях, не должна заведомо оцениваться как проявление культурного прогресса. Кроме того, сохраняет силу позиция, согласно которой многообразие культур само по себе должно рассматриваться как ценность². Однако попытки «урезонить» субъектов информационной экспансии апелляциями к самоценности национальных культур и «культурным правам» народов наивны и заведомо обречены на неудачу.

Совокупность явлений и процессов, обозначаемых такими выражениями, как «культурный империализм», «культурный колониализм», «информационный империализм» или «информационный колониализм», слишком сложна и многогранна, чтобы быть адекватно понятой с нормативистских позиций. Одна из ключевых проблем в данном контексте – проблема качеств информационного продукта, делающего последний востребованным далеко за пределами той страны, где он создается. И эта проблема связана не столько с этикой, сколько с психологией. Кстати, производство информационной продукции, привлекательной для людей в разных странах, само по себе не предполагает «навязывания» народам этих стран ценностей страны-производителя. Если фильмы, сделанные в США, изобилуют сценами насилия, а герои этих фильмов не выглядят особо обремененными интеллектом, это еще не значит, что насилие и низкий интеллектуальный уровень относятся к разряду так называемых американских ценностей. Не следует недооценивать и того обстоятельства, что многие люди, зачастую сами того не осознавая, желают быть подданными великой информационной империи, пусть и в статусе обитателей колоний. При этом информация, которая активно предлагается таким обитателям, способна создать у них извращенное представление о причинах успехов и могущества информационной метрополии.

В современном обществе информация – не только особого рода ценность-ресурс, которая должна стать доступной как можно большому числу людей, но и такая ценность-ресурс, которую следует защищать от нежелательного (несанкционированного) доступа.

1 См., напр.: *Rothkopf D.* In Praise of Cultural Imperialism? // *Foreign Policy*. № 107. Summer 1996.

2 См., напр.: *Weckert J.* What is New or Unique about Internet Activities? // *Internet Ethics*, Hondmills etc.: Macmillan, 2000. P. 52.

Информация – средство достижения адекватного понимания целей, задач и содержания деятельности социального субъекта (индивида, организации, государства) другими участниками коммуникативных процессов, условие создания благоприятной обстановки для реализации данных целей, каковые представляются благородными, справедливыми или, как минимум, правомерными. Вместе с тем информация – средство воздействия на индивидуальное, групповое и общественное сознание, имеющее мощный (преднамеренный или побочный) деструктивный эффект, блокирующее способности подвергающегося воздействию субъекта к продуктивной деятельности, к реализации собственного творческого потенциала, а в предельном случае ведущее к его социальному уничтожению.

Могут ли подобного рода опасности исходить от знаний? На первый взгляд, нет. Обладание знанием традиционно считается благом для человека. Однако осуществление идеи совместного пользования знаниями само по себе не способно отменить явления, характеризующиеся как культурный или информационный колониализм. Решающее значение здесь приобретает способность ориентироваться в мире знаний, правильно определять собственные интересы и реализовывать творческий потенциал.

Мировое неравенство в сфере знаний, ситуация с утечкой мозгов, доступность образования и качество образования – все эти вопросы имеют прямое отношение к теме «познавательного разрыва». Количественные показатели, характеризующие развитие общества знания, учитываются в соответствующих индексах. Примером может служить Индекс обществ знания, публикуемый ООН. Подобные индексы разрабатываются и в отдельных странах. Следует подчеркнуть, что они не являются альтернативой индексов развития информационного общества и экономики знаний, но, как правило, включают в себя показатели, учитываемые этими индексами.

ИНТЕЛЛЕКТ В ЭКОНОМИЧЕСКИХ И ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ КОНТЕКСТАХ

Общество знаний невозможно без экономики знаний. Экономисты и теоретики менеджмента не всегда проводят различие между знаниями и интеллектом, и не всегда подобное различие им необходимо. Ведь и то, и другое относят к интеллектуальному капиталу. Человеческий капитал, мыслимый как часть интеллектуального капитала компании, включает в себя «совокупность знаний, практических навыков и творческих способностей служащих компании, приложенную к выполнению текущих задач», культуру труда, отношение к работе¹. Такой подход к интеллекту существенно отличается от принятого в психологии. Психологи понимают под интеллектом совокупную познавательную способность, включающую способности восприятия, памяти, мышления, воображения. Без интеллекта невозможно добывание («производство») знаний, а формирование и развитие интеллекта немыслимо без обладания знаниями. Вместе с тем, интеллект и знания – не одно и то же.

Интеллект сегодня все чаще рассматривают в рыночных контекстах. Это делают не только экономисты, но и философы. Постановка вопроса о философии интеллектуального капитала – один из важных показателей такой тенденции. Однако философское осмысление роли интеллектуального капитала в современном обществе предполагает обращение, в той или иной форме, к вопросам философии интеллекта.

В середине XX века философы, как и представители других областей знания, обсуждали вопрос о природе и перспективах интеллекта в тесной взаимосвязи с проблемой машинного мышления.

1 См.: Эдвинсон Л., Мэлоун М. Интеллектуальный капитал. Определение истинной стоимости компании // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / Под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Academia, 1999. С. 434.

Это был один из наиболее волнующих вопросов, связанных с развитием электронно-вычислительной техники. Речь шла, прежде всего, об искусственном интеллекте в его соотношении с интеллектом естественным. Появление компьютерных систем, которые стали называть интеллектуальными и формирование научного направления, получившего название «искусственный интеллект», побудили ученых по-новому взглянуть на мышление. В ходе бурных дебатов на тему «Может ли машина мыслить?» были представлены две основные стратегические линии. Первая связана с попытками определить мышление таким образом, чтобы иметь достаточные основания для утверждений о наличии мышления и интеллекта у машины. Защитники тезиса об отсутствии принципиальных различий между естественным и искусственным интеллектом рассматривали интеллект (с кибернетической точки зрения) как способность принимать хорошее решение при экономном расходовании ресурсов. Вторая линия предполагала акцентирование таких характеристик мыслительной деятельности человека, которые не могут быть приписаны компьютеру, и отсутствие которых не позволяет говорить о мышлении и интеллекте в полном смысле этого слова. К подобным характеристикам относили наличие интуиции, познавательных интересов, чувств, желаний и стремлений, обуславливающих творческие способности человека, способность к пониманию, преднамеренность действий и т.д. Отвергалась и сама стратегия «определения мышления таким образом, что от мышления в результате ничего не остается».

Было бы неверно утверждать, что эти стратегии охватывали все разнообразие позиций, представленных в дискуссиях о соотношении естественного и искусственного интеллекта. Из «неохваченных», по крайней мере, две достойны упоминания в связи с рассматриваемой здесь тематикой. Одна предполагает, что естественный интеллект и интеллект искусственный различаются существенным образом и, тем не менее, оба существуют. С этой точки зрения, компьютерная система не мыслит, однако обладает интеллектом в особом значении последнего слова. Согласно другой позиции, машины середины XX века не обладают подлинным искусственным интеллектом, однако возникновение такого интеллекта в будущем не является заведомо невозможным – вопрос о подлинном искусственном интеллекте может быть решен эмпирически.

Когда проблема машины как субъекта мышления вызывала столь горячий интерес, возможности «умных» машин были весьма скромными по сравнению с имеющимися сегодня. Теперь удивляются

не тому, что компьютер выиграл у чемпиона мира по шахматам, а тому, как долго носитель естественного интеллекта сопротивлялся. Однако приз получает не машина, а команда программистов; при этом вопрос о субъектности компьютера и подлинности его интеллекта не относится к числу волнующих общественность. К началу XXI века образ машины как объекта, имеющего четко определенную пространственную локализацию и существующего в некоем интервале времени, больше не занимает центрального места в рефлексии над социально-антропологическими аспектами развития техники. На первый план в рефлексии такого рода теперь выдвигается комплекс представлений о технологии, пространственно-временную локализацию которой не столь просто определить. Технология мыслится, скорее, как нечто всепроникающее, охватывающее и артефакты, и действия человека, и его знания. Рационально сформулировать вопрос о субъектности технологии весьма затруднительно, и вряд ли подобный вопрос актуален сегодня. Вместе с тем осознание растущей технологической зависимости человека находит выражение в фантастике, где создается образ формирующегося в результате развития технологий (не в последнюю очередь информационных) могущественного искусственного субъекта, использующего людей в качестве ресурса для решения собственных задач.

На фоне явлений, порождаемых современными информационно-телекоммуникационными технологиями, проблемы интеллекта выглядят иначе, чем несколько десятилетий назад. Вызовы интеллекту человека обсуждаются сегодня, главным образом, не в контексте конкуренции человека и компьютера, а в контексте тревожных изменений в человеческих способностях, происходящих под воздействием дружественных пользователю технологий. Кроме того, интеллект все чаще рассматривают в экономических контекстах. Большое значение придается «интеллектуализации бизнеса» и «организационному интеллекту». Признается ценность интеллектуальных ресурсов и интеллектуального потенциала как фактора получения экономической выгоды.

Поиск подлинного, единственно верного смысла слова «интеллект» сегодня не выглядит актуальным. Семейство смыслов этого слова и содержаний соответствующих понятий становится все более многочисленным, а члены семейства не только достаточно мирно уживаются друг с другом, но и обнаруживают способность к продуктивному взаимодействию. Интеллект отдельного человека («психический» интеллект) сохраняет статус если не единственной, то исходной реальности, в соотношении с которой формируются

представления об искусственном интеллекте и интеллектуальности технологий, об интеллектоподобных свойствах биологических систем и систем в неживой природе, об эффективности использования интеллектуальных ресурсов в организациях и обществах. Такие представления, в свою очередь, позволяют обнаруживать новые аспекты в самой исходной реальности, вырабатывать новые подходы в рассмотрении происходящих здесь изменений. Приобретает актуальность тема качества интеллекта, охватывающая выделение видов интеллекта по самым разным основаниям, выявление специфики интеллектуальности систем различной природы, оценку интеллекта и результатов его работы, осуществляемой с использованием разных критериев.

ПЕРСПЕКТИВЫ ЕСТЕСТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ЭПОХУ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Использование информационно-коммуникационных технологий в профессиональной и повседневной жизни, в образовании стремительно расширяется. Появляются новые технологии, открывающие новые, подчас неожиданные возможности.

«Электронизация» сфер деятельности включает их компьютеризацию и «сетизацию», использование мультимедийных средств, мобильной связи и т. д. К числу областей, где проблемы развития компьютерных и коммуникационных технологий наиболее тесно связаны с проблемами интеллекта человека, следует, безусловно, отнести сферу образования. В информационную эпоху меняются методы обучения и проверки знаний, технологии оказывают все более заметное влияние на формирование когнитивного пространства, на этос образования, на характерную для образования систему ценностей, складывавшуюся не одно столетие.

Оптимистические перспективы развития человеческих способностей под воздействием компьютерных технологий первоначально обосновывались ссылками на расширение выбора и освобождение от бремени рутинных вычислений. На первых этапах внедрения компьютеров в образование большие надежды связывались с компьютерным моделированием, позволяющим студенту и школьнику на моделях реальных ситуаций изучать различные варианты развития событий, предвидеть последствия и накапливать собственный опыт деятельности. Благотворное влияние компьютера на когнитивный стиль и поведение особенно подчеркивали авторы, писавшие о проблемах стран «третьего мира». Указывали, например, на то, что решение задач с использованием компьютера требует мыслить быстро и эффективно, точно формулировать ответы на сложные вопросы или подбирать факты, необходимые для получения решения.

Вместе с тем некоторые психологические эффекты применения компьютеров в образовании достаточно давно стали предметом беспокойства психологов и педагогов. В литературе описывались примеры, когда мышление детей и подростков становится «компьютероподобным», когда ребенок для описания собственного поведения и поведения окружающих использует термины, характеризующие работу машины. В середине 80-х исследователи из разных стран обращали внимание на такие явления, как деформации в эмоциональной сфере, социальная изоляция, компьютерная преступность. Эти явления связывали с «автоматизацией» человека, технократическим мышлением, понижением культурного уровня. Уже первые электронные калькуляторы дали основание говорить о феномене так называемой экзущии (от лат. «exutio» – «иммобилизация») в связи с развитием компьютерных технологий. Использование калькуляторов приводит к экзущии способностей устного счета, а легкость доступа к информации вытесняет самостоятельное производство новых знаний¹.

Если в 70-х годах беспокойство по поводу влияния компьютеров на когнитивный стиль связывалось с увлечением вычислениями и склонностью представлять человеческие проблемы в виде абстрактных формальных моделей, то беспокойства, типичные для конца XX–начала XXI века, касаются визуализации и символизации знаний. Энтузиасты информатизации приветствуют новые возможности визуализации, утверждая, что теперь люди могут не только превращать опыт в абстракции, но и превращать абстракции в чувственно воспринимаемые объекты. Однако нельзя не признать обоснованными опасения тех, кто подчеркивает ценность классического подхода, предполагающего, что базисные категории познания и понятия науки принципиально несводимы к чувственно воспринимаемым объектам и не могут быть визуализированы, что современные информационно-коммуникационные технологии участвуют в формировании так называемого клипового сознания, препятствующего развитию аналитических способностей².

Под вопрос ставятся не только перспективы абстрактного мышления, но и перспективы памяти. Известно, что популярная среди молодежи манера коверкать слова в «интернетовской» переписке

1 См., напр.: *Бабеева Ю. Д., Войскунский А. Е.* Психологические эффекты информатизации // Психологический журнал. Т. 19. № 1. 1998.

2 См.: *Лекторский В. А.* Эпистемология классическая и неклассическая. М.: Эдиториал УРСС, 2001; *Громыко Ю. В.* Образование в эпоху Интернета. http://futuraerussia.ru/conf/forum_education.html).

ведет к снижению уровня грамотности обычного, «серьезного» письма: человек попросту не может вспомнить, как правильно пишется то или иное слово. Особая ситуация – с компьютерными играми, продуктом одной из наиболее динамично развивающихся отраслей современной информационно-технологической индустрии, оказывающей значительное воздействие на человеческое сознание, и прежде всего на сознание формирующейся личности. Энтузиасты насыщения учебного процесса новейшими информационными технологиями связывают надежды, кроме прочего, с возможностями игровых форм обучения, которые благодаря таким технологиям существенно расширяются. Однако реальные масштабы использования учебных компьютерных игр более чем скромны в сравнении с масштабами популярности игр развлекательных, «досуговых» (впрочем, как и усилия, затрачиваемые на производство и продвижение первых и вторых). Досуговые игры, использующие материалы из истории, способны пробудить у школьника интерес к тем или иным событиям и действующим лицам, и следствием такого интереса может стать обращение к источникам надежной информации, включающим справочную и учебную литературу. Но такие же игры могут способствовать закреплению в памяти неверной информации об исторических событиях, к потере способности отличать истину от вымысла. Тем не менее, не следует спешить с обвинением создателей компьютерных игр в «искажении истории» и распространении дезинформации. Они, в отличие от работников науки и образования (и даже средств массовой информации), вообще не берут на себя обязательств сообщать достоверную информацию и быть объективными.

Следует подчеркнуть, что информационные технологии не развиваются в культурном вакууме и не являются единственным «культуропродукующим» фактором. В силу целого комплекса экономических, социальных, политических и, конечно же, технологических факторов, усиливаются тенденции перемещения внимания субъекта с духовной, интеллектуальной сферы на материальную, телесно-вещную, трансформации культа знания и просвещения в культ удовольствия и естественности, освобождения от стремления к идеалу в пользу прагматизма и утилитаризма, подмены творчества потреблением, жизни – игрой, реальных отношений виртуальными¹. Происходит девальвация идеалов рациональности. Эффективность

1 См., напр.: *Баява Л. В.* Информационная эпоха: метаморфозы классических ценностей. Астрахань: Издательский дом «Астраханский университет», 2008. С. 22.

(притом в решении сиюминутных задач) выдвигается в качестве основного критерия рациональности, подвергается сомнению статус истины как высшей познавательной ценности, мышление «освобождается от гнета» логических правил, вследствие чего стираются различия между независимостью мышления и интеллектуальным капризом.

Наличие упомянутых тенденций усиливает актуальность проблемы ценностных ориентиров, направленных на предотвращение деградации человеческого интеллекта в век умных машин и могущественных технологий. К таким ориентирам могут быть отнесены сочетание информированности с самостоятельностью мышления, когнитивная ответственность, трезвость мысли и, конечно же, признание высокого статуса разума, являющегося, кроме прочего, атрибутом «*homo sapiens*».

ИНТЕЛЛЕКТУАЛИЗАЦИЯ И ЭФФЕКТИВНОСТЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ СИСТЕМ

Интеллектуализация как реальность и задача выдвигается на первый план в осмыслении проблем выживания и развития людей, организаций, сфер деятельности. При этом акценты в описании процессов и постановке задач существенным образом зависят от типа социального субъекта или сферы интеллектуализации.

Интеллектуализация бизнеса¹ связывается с разработкой и применением новых технологий, основанных на достижениях науки, с ростом значения нематериальных активов (патентов, технологий, методов управления и принятия решений, брендов), необходимостью постоянного обновления, выдвижения новых идей, предложения связанных с товарами интеллектуальных услуг (например, в области сервиса или обновления). Интеллектуализация бизнеса предполагает не только использование научных знаний в виде формул, расчетов, чертежей и текстов, но и неявного, неформулируемого знания, которое «приклеено» к организациям и конкретным людям. Такое знание не продается и не покупается на свободном рынке, ему можно обучиться, но вырабатывается и передается оно, как правило, в рамках отдельной компании. Интеллектуализация как условие конкурентоспособности компании включает накопление и способность эффективного использования управленческого знания, соответствующего задачам, стоящим перед организацией.

Интеллектуализация личности рассматривается как важнейшей фактор обеспечения информационно-психологической безопасности, т. е. сохранения психического и нравственного здоровья человека в условиях современной информационной среды, не только

1 См., напр.: Сидоров А. Ю. Философия управления в эпоху информационных технологий // Информационная эпоха: новые вызовы человеку и обществу. М.: Широкий взгляд, 2008.

открывающей перед людьми новые возможности развития и самореализации, но и порождающей новые угрозы сознанию. Интеллектуализация личности связывается с развитием способности анализировать информационную ситуацию, оценивать достоверность информации, выявлять манипулятивный характер информационно-психологических воздействий, вырабатывать наиболее приемлемые для данного человека способы защиты от нежелательных последствий¹. При этом справедливо подчеркивается роль жизненного опыта, воспитания и самовоспитания в формировании и развитии имманентно присущих человеку защитных свойств личности.

В современном обществе объемы смысловой информации, передаваемой по техническим каналам связи, притом производимой и распространяемой специально созданными для этого организациями, растут гораздо быстрее, чем объемы смысловой информации, получаемой человеком из непосредственного опыта и личного общения. Средства и методы манипулятивных воздействий на человека становятся все более изощренными и применяются повсеместно. Успех манипуляции определяется тем, что у человека-объекта манипулирования создается впечатление, что он сам управляет своим поведением, осуществляя осознанный выбор на основе рационального анализа ситуации. Иногда задачи обеспечения информационно-психологической безопасности понимаются, прежде всего, как задачи защиты от негативных информационно-психологических воздействий, основной разновидностью которых являются манипуляции². Оспаривать актуальность «антиманипуляционной» защиты невозможно, однако важно помнить, что целенаправленные информационно-психологические воздействия (сознательно осуществляемые неким субъектом в отношении других лиц или групп) не являются единственным источником угроз. Информационно-технологическая среда как таковая, открывая перед человеком широкие возможности для новых видов активности, содержит и потенциальные опасности деформаций в структуре личности и способах ее социальной адаптации.

Проблемы интеллекта человека в информационно-технологическом контексте должны ставиться не как проблемы выживания,

1 Информационные вызовы национальной и международной безопасности / Под ред. А. В. Федорова, В. Н. Цыгичко. М.: ПИР-Центр, 2001. С. 67.

2 См., напр.: Аносов В. Д., Лепский В. Е. Исходные предпосылки информационно-психологической безопасности // Брушлинский А. В., Лепский В. Е. (ред.). Проблемы информационно-психологической безопасности. М., 1996. С. 7.

а как проблемы развития, требующие для своего решения использования имеющихся и создания новых информационных ресурсов и технологий. Информационно-психологическая защищенность личности не может быть сведена к блокированию информации, но предполагает способность адекватно квалифицировать информацию, анализировать синкретические информационные воздействия. Собственно защитные средства играют вспомогательную роль, обеспечивая условия для обогащения и обновления информационных ресурсов субъекта за счет надежных данных, концептуальных структур и ценностных ориентиров, необходимых для эффективной организации опыта, адекватной постановки и решения задач. Все это предполагает как творческую деятельность субъекта в сфере собственного «информационного производства», так и участие во внешних процессах информационной коммуникации.

Конкретизации проблемы качества интеллекта применительно к особенностям носителя интеллекта, его ресурсам, целям и задачам, условиям его функционирования не отменяет необходимости уточнения общего представления об интеллекте – в первую очередь, об интеллекте естественном. Упрощенная характеристика интеллекта как способности принимать хорошее решение при экономном расходовании ресурсов может оказаться пригодной для использования при определенных обстоятельствах, однако в общем случае явно недостаточна. Весьма полезным в контексте рассматриваемых проблем является предпринятое В. К. Финном¹ уточнение совокупности способностей, образующих естественный интеллект. В числе таковых – способность выделять существенное в наличных данных и знаниях (необходимый аспект интуиции), способности к целеполаганию и планированию, к рассуждению, аргументированному принятию решений, к оценке знаний и действий, способность задавать вопросы: «что такое?», «почему?» – и искать ответы на них, способности к синтезу познавательных процедур, к обучению и использованию памяти, к рационализации идей, способность к созданию целостной картины предмета мышления и способность к адаптации в условиях изменения жизненных ситуаций и знаний.

На представления об интеллекте отдельного человека как о совокупности перечисленных способностей можно опираться, не только выясняя специфику искусственного интеллекта, но и оценивая интеллектуальные свойства человеческих систем, – например,

1 См.: Финн В. К. К структурной когнитологии: феноменология сознания с точки зрения искусственного интеллекта // Вопросы философии. 2009. № 1. С. 89.

в случаях, когда речь идет об организационном интеллекте или о национальном интеллекте (последнее не отождествляется с «национальной ментальностью», но понимается как системное свойство общества). Каким образом интеллектуальные качества работников организации связаны с организационным интеллектом? Почему организация, состоящая из интеллектуальных людей, способных к аргументированному принятию решений, обучению и использованию памяти, умеющих выделять существенное и выживать в новых ситуациях, оказывается неспособной находить эффективные решения, использовать имеющиеся ресурсы и адаптироваться к меняющимся условиям? Каким образом должна быть устроена организация, чтобы задачи, решаемые сотрудниками (способными ставить цели и разрабатывать планы, синтезировать познавательные процедуры и рационализировать идеи), не вступали в противоречие с задачами организации в целом и не блокировали выполнения последних? Каковы пути необходимой интеллектуализации организаций в такого рода случаях? Подобные вопросы приобретают особую актуальность в контексте задач формирования инновационной культуры, без которой общество знаний немыслимо.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Общество знаний – это динамично развивающееся общество, для которого характерно следующее:

- осознается роль знания как фактора успеха в любой сфере деятельности;
- существует постоянная потребность в новых знаниях, необходимых для решения новых задач, создания новых видов продукции и услуг;
- эффективно функционируют системы производства знаний и передачи знаний;
- предложение знаний стремится не только удовлетворять имеющийся спрос на знания, но и формировать такой спрос;
- в рамках организаций и общества в целом системы/подсистемы, производящие знание, эффективно взаимодействуют друг с другом и с системами/подсистемами, производящими материальный продукт.

Так понимаемое общество знаний не сводится к экономике знаний. Потребность в новых знаниях имеется не только в экономике, но и во всех сферах деятельности людей. Производство и передача знаний осуществляется не только в рыночных контекстах, но и вне таковых. Процессы коммерциализации науки, культуры, образования – реальность, однако эти процессы затрагивают лишь отдельные аспекты и фрагменты таких областей. Значительная доля информационной продукции, производимой в обществе знаний, становится общественным достоянием, вознаграждение ее создателям осуществляется не на коммерческой основе, может быть символическим, а то и вовсе не иметь денежного выражения. Тем не менее, использование понятий спроса и предложения для осмысления

ситуации в таких областях следует признать полезным – хотя бы потому, что оно гарантирует выход за рамки отношения «творческая личность и бог», побуждая соотносить деятельность творческой личности с потребностями других людей.

Можно ли говорить об экономике знаний, где разница между стоимостью продукта и затратами на его производство не слишком велика, а капитализация фирмы не намного превосходит ее бухгалтерскую стоимость? Оставим этот вопрос экономистам. Заметим лишь, что подобное положение дел не есть свидетельство невозможности общества знаний. Ведь деньги – один из показателей эффективности, однако не единственный, не безусловный и не всегда уместный. И объем знаний, вложенных в производство продукта, не обязательно измерять в денежных единицах.

Потребность в образовании, переподготовке, в дополнительном образовании, в «образовании на протяжении всей жизни» – одна из основных потребностей человека в обществе знания. Будет ли удовлетворение такой потребности преимущественно делом рынка или же государство и общественные организации возьмут на себя основную часть расходов на образование? Теоретически, развитие общества знаний возможно при любом из этих вариантов.

Должны ли национальные общества ограничиться ролью частей глобального общества знаний, имеющего центр (страны, производящие основные виды информационной продукции, знаний и технологий) и периферию (страны – потребители некоторых видов знаний и поставщики сырья)? Или каждому национальному обществу следует стремиться к тому, чтобы создать условия для реализации творческих возможностей человека, развивать науку, технику, промышленность? Теряются ли знания с исчезновением языков? Как отличить развитие языка от деградации языка? Должны ли ключевые термины управленческого знания заимствоваться из языков, носители которых достигли наибольших успехов в организации производства знаний, технологий, товаров и услуг? А может быть, отказываясь формулировать и осмысливать проблемы на собственном языке, люди упускают из виду нечто важное, без чего организовать успешную работу носителей этого языка невозможно? Предположим, общество в рамках одной страны должно обладать всеми свойствами общества знаний. Но как этого достичь? Стремление к новизне проявляется, кроме прочего, в создании новых видов оружия. Продолжится ли гонка вооружений в глобальном обществе знаний? Или будет, наконец, достигнуто (произведено!) знание о том, как избежать этого? И обеспечит ли знание о природе экологическую

безопасность? Эти и многие другие вопросы – предостережение от попыток изобразить общество знаний раем на земле.

Как соотносятся понятия «общество знаний» и «информационное общество»?¹ Трудно представить себе эффективно функционирующие системы производства и передачи знаний без развитых информационно-коммуникационных технологий, мощной информационной инфраструктуры, делающей возможным доступ к информации и знаниям для все более широкого круга людей. И роль информации как стратегического ресурса в обществе знаний несомненна. Учитывая все это, можно утверждать, что общество знаний обладает всеми характеристиками информационного общества.

Вместе с тем понятие общества знаний не тождественно понятию информационного общества. Ведь содержание первого понятия включает характеристики, относящиеся не только к развитию информационно-коммуникационных технологий, но, в принципе, к развитию любых других технологий и областей деятельности. В последние несколько десятилетий уровень развития компьютерных и коммуникационных технологий воспринимался (оправданно или нет – особый вопрос) как показатель научно-технического и промышленного развития той или иной страны в целом и даже как показатель демократичности общества. Нельзя исключить, что в будущем подобная роль станет выполняться другими технологиями. В последние годы все больше говорят о феномене НБИК – конвергенции нанотехнологий, биотехнологий, а также информационных и когнитивных технологий. Быть может, вскоре заговорят и о НБИК-обществе?

Понятие общества знаний имеет существенное сходство и с понятием постиндустриального общества. Д. Белл называл знание осью постиндустриального общества, писал об обществе, основанном на знаниях. Особое значение автор концепции постиндустриализма придавал теоретическому знанию, науке. Общество знаний в указанном выше смысле, несомненно, следует считать постиндустриальным.

И все же не только научное знание играет здесь важную роль. Своеобразие других видов знания – в том числе знаний, накопленных в процессе практической деятельности, результатов жизненных наблюдений, технических и «деловых» знаний, не дотягивающих

1 В данном случае выражение «информационное общество» обозначает именно общество. Иногда под «информационным обществом» понимают лишь соответствующие компоненты техносферы и сегменты рынка, но не общество как таковое.

(и не обязанных «дотянуть») до статуса научных и теоретических – необходимо учитывать, чтобы понимать причины успеха инноваций в одних случаях и отрыва теории от практики в других. Судьба технологии, даже самой передовой и остро необходимой людям, во многом зависит от того, учтены ли в должной мере создателями технологии и теми, кто ее продвигает, психологические и социальные факторы. Предложенная характеристика общества знаний делает упор на эффективности функционирования систем производства, приобретения и применения знаний, продуктивности их взаимодействия.

Речь здесь идет, прежде всего, о знании в обычном смысле. А значит, о знании того, что представляют собой те или иные предметы, существа и явления, каковы их свойства и отношения между ними. Слова «предмет», «существо» и «явление» взяты здесь в предельно широком смысле. Если в качестве предмета или явления выступает процесс, в который вовлечено человеческое существо с его целями и способами оценки, в качестве особого вида знания выделяется знание о том, как организовать процесс, как выполнить то или иное действие или последовательность действий.

Применима ли данная характеристика к знанию в специфическом смысле «экономики знаний» или «менеджмента знаний», допускающем зачисление в разряд знаний всех нематериальных активов? Чтобы ответить на этот вопрос, попробуем заменить слова «знание» и «знания» словами «нематериальные активы» во всех пунктах этой характеристики. Результатом будут формулировки, которые нуждаются в уточнении и исправлении. Что-то может быть прочитано как рыночная метафора – например, выражение «нематериальные активы как фактор успеха» в применении к сферам деятельности, выходящим за пределы рынка или вовсе находящимися за пределами этой сферы.

Тема общества знаний – перспективная тема дискуссий, участники которых могут исходить из разных представлений о том, что есть общество знаний. Вряд ли разумно ожидать, что на этом пути будет достигнуто «общепризнанное определение». Смысл подобных обсуждений – не в достижении такого определения, а в том, чтобы участники их, выходя за пределы специализированного контекста, открывали для себя новые грани изучаемых предметов и явлений, а возвращаясь в привычный контекст, изменяли его, формулируя новые вопросы и исследовательские задачи.

Долго ли останется модной идея общества знаний? Сегодня этого не знает никто. Степень популярности общественной идеи в тот

или иной период времени зависит от множества факторов как объективного, так и субъективного порядка. Что же касается постоянной потребности в новых знаниях, новых средствах ориентации, новых путях выживания и достижения успеха, то можно с уверенностью утверждать, что в стремительно меняющемся мире такая потребность не только сохранится, но будет приобретать первостепенное значение для все большего числа людей, организаций, сообществ.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

НАУКОКРАТИЧЕСКИЕ УТОПИИ XVII ВЕКА («ГОРОД СОЛНЦА» Т. КАМПАНЕЛЛЫ И «НОВАЯ АТЛАНТИДА» Ф. БЭКОНА)

Построение ретроспективы технократических утопий, которая могла бы претендовать на полноту и основательность, требует отказа от некоторых устоявшихся стереотипов. Один из такого рода стереотипов связан с характеристикой двух весьма известных социальных утопий, созданных на заре индустриальной эпохи. Это «Город Солнца, или Идеальная Республика. Политический диалог» итальянца Томмазо Кампанеллы (написана в 1602 г., опубликована впервые в 1623 г.) и «Новая Атлантида» англичанина Фрэнсиса Бэкона (написана в 1623–1624 гг., впервые опубликована на английском языке в 1627 г.). Примечательно, что в 1643 г. эти две утопии были изданы в одной книге на латинском языке.

Обыкновенно утопии Кампанеллы и Бэкона «проходят по разным ведомствам». «Новая Атлантида» считается предшественницей технократических утопий¹, а «Город Солнца» занимает выдающееся место в истории социалистических учений и утопий коммунистического характера. Неудивительно, что отнесение текстов Кампанеллы и Бэкона к традициям общественной мысли, которые редко сопоставляются, отвлекает взор исследователя от того общего, что связывает эти произведения, почти одновременно появившиеся на западе Евразийского континента и на Британских островах. Однако анализ, ориентированный, прежде всего, на выявление места и роли техники и науки в образах желаемого будущего, обнаруживает весьма существенную общность в чертах «Идеальной республики» и «Новой Атлантиды». Их общая основа состоит, прежде всего, в том, что благоденствие идеального города Кампанеллы и счастливого острова

1 См., напр.: Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество: Опыт социального прогнозирования. М.: Academia, 1999. С. 98.

Бэкона связываются с технико-технологическими достижениями, основанными на фантастических для начала XVII века успехах науки, не в последнюю очередь обусловленных совершенствованием организации труда ученых и заботой государства о научном и техническом прогрессе.

Картины счастливой жизни в «месте, которого нет»

Произведение Кампанеллы написано в форме диалога Морехода и Гостиника. Мореход, отвечая на вопросы Гостиника, повествует о своих приключениях во время кругосветного путешествия. Он рассказывает, как, оказавшись на широкой равнине в районе экватора, встретился с отрядом вооруженных людей, которые привели его в расположенный на холме и на редкость хорошо укрепленный город. Морехода восхищает архитектура города, скульптурные сооружения и живопись, богатое убранство храма, возвышающегося на вершине горы. Горожане – люди физически развитые, сведущие в науках и искусные в ремеслах. Внимание путешественника привлекает красивая молодежь, статные и живые женщины, не использующие румян (поскольку и без того отличаются здоровым цветом кожи), не носящие ни каблуков (так как не имеют нужды казаться выше ростом), ни длиннополых платьев (поскольку не имеют дефектов ног, которые следовало бы скрывать). Простая одежда мужчин и женщин сидит на них так ладно и ловко, что, «когда скидывают они плащ, вся их фигура обрисовывается во всех подробностях»¹. Солярии (так называют обитателей Города Солнца) – долгожители; благодаря правильному питанию, чрезвычайной умеренности в употреблении алкоголя, физическим упражнениям и пребыванию на свежем воздухе они живут по большей части до ста лет, а некоторые и до двухсот. В делах и поступках солярии руководствуются принципом, известным с древних времен как золотое правило нравственности: «Чего не хочешь самому себе, не делай этого другому, и что вы хотите, что бы делали люди вам, делайте и вы им».

В идеальном государстве Кампанеллы никто не гнушается никакой работы, не считая для себя унижительным, например, прислуживать за столом или ходить за больными. Каждый занимается и отвлеченными науками, и художествами, и ремеслами, и прочими трудами. При этом учитываются как физические возможности, так и наклонности людей, их природная одаренность. Поскольку обязанности, связанные с человеческим жизнеобеспечением,

1 Кампанелла Т. Город Солнца // Утопический роман XVI–XVII веков. М.: Художественная литература, 1971. С. 156.

распределяются между всеми соляриями, каждому приходится работать не более четырех часов в день. Однако «нерабочее» время не проводится в праздности: солярии с радостью посвящают его развитию умственных и телесных способностей, занимаются науками, беседуют, читают и пишут, прогуливаются. Продуктивность распределяемой между всеми работы в сочетании со здоровыми потребностями позволяет достигать высокого материального достатка: «Всего у них в изобилии, потому что всякий стремится быть первым в работе, которая невелика и плодотворна, а сами они очень способны. Тот, кто главенствует над другими в каком-нибудь... занятии, называется у них царем; и они говорят, что это наименование присуще именно таким людям, а не невеждам»¹. Рациональная организация жизни в Городе Солнца противопоставляется порядкам современной автору Италии: «...в Неаполе семьдесят тысяч душ населения, а трудятся из них всего какие-нибудь десять или пятнадцать тысяч, истощаясь и погибая от непосильной и непрерывной работы изо дня в день. Да и остальные, пребывающие в праздности, пропадают от безделья, скупости, телесных недугов, распутства, ростовщичества и т. д. и множества народа портят и развращают, держа его у себя в кабале, под гнетом нищеты, низкопоклонства и делая соучастниками собственных пороков, чем наносится ущерб общественным повинностям и отправлению полезных обязанностей. Обработкой полей, военной службой, искусствами и ремеслами занимаются кое-как и только немногие и с величайшим отвращением»².

Преимущества жизни в идеальном городе обусловлены общинным характером управления. Здесь отсутствует частная собственность, горожане имеют общий быт, совместно воспитывают детей. Отдельное жилище и семья считается проявлением себялюбия, ведущего к образованию собственности, неотделимой, по мнению соляриев, от таких пороков, как жадность, лицемерие и предательство. Община освобождает людей от порабощения вещами, она делает всех одновременно и богатыми (потому что у них есть все), и бедными (потому что никто не имеет никакой собственности). Отрешенные от частной собственности солярии – большие патриоты, они «пылают такой любовью к родине, какую и представить себе трудно».

Собственно литературные достоинства небольшой книги, каковой является «Город Солнца», невелики. Для нее характерен сухой язык, насыщенность общими понятиями и рассуждениями,

1 Там же. С. 171.

2 Там же. С. 161–162.

отсутствие ярких образов. Произведение написано в форме диалога, однако в нем явно преобладают монологи Морехода, а его собеседник ограничивается лишь довольно краткими вопросами. Тем не менее, книга имела большой успех и в течение столетий находила читателей и почитателей в разных странах, прежде всего в европейских. По-видимому, следует согласиться с историком социалистических учений В. П. Волгиным в том, что своей славой (несопоставимой со славой «Утопии» Т. Мора, как и с более подними социальными романами XVII–XVIII вв.) «Город Солнца» обязан не литературному таланту автора, а вполне отчетливо выраженным им социальным идеям – таким, как социальное равенство, отсутствие частной собственности, всеобщий обязательный труд, общественная организация производства и распределения, трудовое воспитание граждан¹. К подобной оценке причин популярности данного текста Кампанеллы можно лишь добавить, что все указанные черты изображаемого здесь общества представлены как характеристики рациональной организации жизни людей, обеспечивающей продуктивность, справедливость и вариант благоденствия для всех (здоровье, долголетие, развитие физических и умственных способностей).

«Новая Атлантида» Ф. Бэкона, написанная два десятилетия спустя после «Города Солнца» Кампанеллы, имеет гораздо более оснований быть отнесенной к изящной словесности, чем произведение итальянца. «Новая Атлантида» представляет собой рассказ путешественника о посещении неведомого европейцам (и на самом деле не существующего) острова Бенсалем, который называется также Новой Атлантидой. Восторженные оценки героем, от лица которого ведется повествование, царящих на острове обычаев, а также архитектуры, предметов обихода и одежды жителей соответствуют социальным взглядам и эстетическим вкусам самого Бэкона.

О городе, в гавань которого заходит корабль героя, говорится, что он красив, не слишком велик, но отлично построен и с моря выглядит весьма живописно. Одежда местного чиновника, прибывшего на корабль, искусно сделана из превосходной ткани, доставившая его лодка украшена позолотой и драгоценностями. «Дом чужестранцев», куда бенсалемцы помещают путешественников, – отличное просторное здание с красивыми окнами, отведенные европейцам комнаты светлы и богато убраны. Роскошно обставлен торжественный въезд в город одного из руководителей главного института вымышленной страны – «Соломонова дома», или «Общества для познания истинной

1 См.: Волгин В. П. Очерки истории социалистических идей с древности до конца XVIII в. М.: Наука, 1975. С. 138.

природы всех вещей». Бэкон тщательно и любовно описывает детали одяния этого человека: «На нем было облачение из превосходного черного сукна с широкими рукавами и капюшоном. Нижнее платье из отличного белого полотна доходило ему до лодыжек и было подпоясано кушаком из той же материи; из нее же был и воротник. На нем были искусно сделанные перчатки, шитые драгоценными камнями, и бархатные башмаки персикового цвета»¹. Не уступает наряду и экипаж, в котором везут «отца Соломонова дома»: «Повозка была сделана из кедрового дерева, украшенного позолотой и хрусталем; в передок ее были вделаны плиты из сапфиров в золотой оправе, а позади – такие же плиты из изумрудов перуанского цвета. Наверху ее украшало золотое солнце, а впереди – маленький золотой херувим с распростертыми крыльями. Изнутри повозка была обита синєю с золотом парчой. ...Прибывший восседал один на роскошных подушках, крытых синим плюшем. Под ноги ему были постланы шелковые ковры наподобие персидских, только много лучше»².

Путешественник особо отмечает хорошие манеры островитян: люди, собравшиеся посмотреть на вновь прибывших чужестранцев (весьма редких в этих краях), выстраиваются правильными рядами и ведут себя так вежливо, словно собираются не дивиться на них, а приветствовать; в дальнейшем «лица отнюдь не простого звания», с которыми заводят знакомство европейцы, обходятся с ними с удивительной добротой и непринужденностью.

О государственном устройстве острова почти ничего не говорится (возможно, в какой-то степени данное обстоятельство объясняется тем, что «Новая Атлантида» – неоконченное произведение). Известно, однако, что в стране есть король, в городе – правитель. Главный герой знакомится с купцом – евреем по имени Иоабин, весьма довольным своей жизнью. А это значит, что в стране существует торговля. Автор далек от намерения лишить жителей счастливой страны частной собственности, как это сделали Мор и Кампанелла. Судя по имеющимся в тексте замечаниям, имущественные отношения играют важную роль в Бенсалеми. Регулирование этих отношений со стороны государства связано с соображениями нравственно-религиозного порядка. Например, признавая брак без согласия родителей, государство все же карает его особым законом о наследстве. Дети от такого брака могут получить не более трети родительского имущества.

1 Бэкон Ф. Новая Атлантида // Ф. Бэкон. Соч. в 2-х т. Т. 2. М.: Мысль, 1978. С. 507.

2 Там же. С. 508.

Приумножение богатства в различных его ипостасях – как традиционных (в виде золота и разнообразных материальных ценностей), так и в виде интеллектуальных ресурсов, включающих знания и изобретательские возможности – является делом, весьма почитаемым в Бэконовой утопии, и существенным образом влияет на жизнь ее обитателей. Однако было бы неверно заключать из этого, что стремление к богатству играет определяющую роль в морали бенсалемеров. Во всяком случае, далеко не любой способ обогащения здесь оправдывается и дозволяется.

При первом же контакте путешественников с представителями властей Новой Атлантиды выясняется, что они попали в страну неподкупных чиновников. Дары (деньги и дорогая ткань), которые они предлагают чиновникам, посещающим корабль, решительно отвергаются. Один из чиновников поясняет, что он не может дважды получать плату за труды. Это означает, что он получает достаточное жалованье от государства. Позднее герой повествования узнает, что «дважды оплаченными» здесь называют взяточников.

Земля королевства весьма богата, и потому народ способен прокормиться без помощи чужеземцев. Те немногие бенсалемеры, которые отправляются в чужие края, плывут туда не за золотом, шелками, пряностями или иными материальными ценностями, но единственно за светом знания. Они знакомятся в дальних странах с науками, искусствами, производствами и изобретениями, а домой привозят книги, различные инструменты и образцы. Все это используется в исследовательской и изобретательской деятельности, поставленной на индустриальную основу и приносящей впечатляющие результаты.

Технические достижения идеального государства

Основной институт Новой Атлантиды – «Общество для познания истинной природы всех вещей», называемое также Соломоновым домом. Островитяне считают его «благороднейшим учреждением на земле», «служащим стране путеводным светочем», ее «зеницей ока». Соломонов дом работает как мощная фабрика по производству знаний и технологий, обладающая уникальными сооружениями и приборами, четкой организацией труда. Результаты столь необычного для начала XVII века производства со временем распространяются по всей стране.

Вот лишь некоторые из сооружений и устройств, которыми располагает Соломонов дом: рудники, позволяющие не только

добывать природные полезные ископаемые, но и получать новые, искусственные металлы и составы; высокие башни, которые служат для нагревания и охлаждения тел, равно как и для наблюдений над погодными явлениями; водоемы, используемые как для научных опытов, так и для разведения рыбы и водяной птицы; обширные помещения, где искусственно вызывают и демонстрируют различные явления природы (снег, дождь, молнию), а также зарождение из воздуха живых существ (лягушек, мух и некоторых других); сады и огороды для выращивания растений, в том числе более урожайных, чем обычные, с более вкусными плодами, а иногда и с искусственно приданными им целебными свойствами; печи, позволяющие воспроизводить жар солнца и других небесных светил, а также приборы, порождающие теплоту своим движением; дома света, где проводятся опыты со всякого рода излучениями; дома механики, где изготавливаются машины и приборы для всех видов движения, в том числе артиллерийские орудия, лодки для плавания под водой и многое другое.

В утопической повести Кампанеллы описание имеющихся в «идеальной республике» изобретений в виде артефактов занимает не столь много места, как в Бэконовой «Новой Атлантиде». Тем не менее, Мореход утверждает, что жители города Солнца превосходят всех смертных своими военными машинами, что они создали удивительные средства передвижения (телеги, оснащенные парусами, которые могут двигаться и против ветра), а самое главное – изобрели искусство летать¹. Кампанелловские солярии используют в обработке земли средства, которые ускоряют всходы, умножают урожай и предохраняют семена. Знания, относящиеся к этой области, изложены у них в специальной книге под названием «Георгика».

Следует подчеркнуть, что «механические искусства», процветающие в социумах, представлявших идеальными двум выдающимся мыслителям позднего Возрождения, не являются делом лишь ремесленников-одиночек, но включены в развитую систему производства и применения знания. Оба автора – критики схоластической учености и пропагандисты идеи деятельной науки, исследующей природу и умножающей могущество человека.

1 См.: Кампанелла. Город Солнца // Утопический роман XVI–XVII веков. М.: Художественная литература, 1971. С. 170, 187.

Знание как ценность

В «Новой Атлантиде» знания и умения упоминаются при перечислении богатств Соломонова дома, но все же на первом плане оказываются материальные предметы, прежде всего артефакты. Это не означает, что «чистое», не воплощенное непосредственно в материальных предметах знание, не включается в число сокровищ. Одни лишь сооружения и приборы, в отрыве от соответствующих знаний и навыков людей, их использующих, не могли бы обеспечить получение тех разнообразных видов растений и животных, металлов, драгоценных камней, тканей, лекарств, технических устройств, которыми пользуются жители чудесного острова. (Ученый, рассказывающий чужеземцу о богатствах Соломонова дома, сообщает: «...из перечисленного мною многое распространилось уже по всей стране, но если что было изобретено нами, то остается у нас в качестве образца»¹). Не случайно отец Соломонова дома предваряет свой рассказ путешественнику словами: «Благослови тебя господь, сын мой; я подарю тебе величайшую из драгоценностей, какими владею; ибо открою тебе, во имя любви к богу и людям, истинный устав Соломонова дома. А для этого, сын мой, я буду держаться следующего порядка. Прежде всего изложу цель, ради которой он был основан; во-вторых, опишу сооружения и приборы, какими располагаем мы для наших работ; в-третьих, расскажу о разделении труда и обязанностей между членами Дома; и, наконец, – о наших обычаях и порядках»². Передача знания (в данном случае это знание об «Обществе для познания истинной природы всех вещей», включающее сведения о технической оснащенности, принципах организации и функционирования этого учреждения) рассматривается как ценный подарок.

В описании организации работы членов Соломонова дома подробно говорится об их специализации, определяемой используемыми источниками знаний. Одни работают с информацией, содержащейся в книгах, извлекая из них материал для опытов; другие изучают опыт механических наук и свободных искусств, а также практические знания, не подвергавшиеся до сих пор научной обработке; третьи производят новые опыты, четвертые изучают эти опыты ради полезных изобретений и установления причин явлений и т. д. Примечательно, что большую роль в приращении знаний

1 Бэкон Ф. Новая Атлантида // Ф. Бэкон. Соч. в 2-х т. Т. 2. М.: Мысль, 1978. С. 513.

2 Там же. С. 509.

Соломонова дома играет деятельность, которую без особых преувеличений можно назвать шпионажем. Этим видом деятельности занята самая большая группа руководителей Дома – так называемые торговцы светом. Они отправляются в чужие земли, где собирают книги, материалы и описания опытов, выдавая себя при этом за представителей других наций (бенсалемицы хранят в тайне от чужеземцев сам факт существования своей страны).

Показательно, что Ф. Бэкон видит существенное сходство проблем приумножения материального благосостояния и приращения научного знания. «Нам кажется, – пишет он в предисловии к «Великому восстановлению наук», – что люди не знают вполне ни своих богатств, ни своих сил и представляют себе первые большими, а вторые – меньшими, чем они есть в действительности. От этого происходит, что они, придавая непомерную цену унаследованным искусствам, не ищут ничего большего или, слишком низко ставя себя, тратят свои силы на ничтожное, а не испытывают их в том, что важно для существа дела.... Но так как преувеличенное представление о своем богатстве является одной из главнейших причин бедности и так как доверие к настоящему заставляет пренебречь истинными средствами помощи для будущего, то уместно и даже прямо необходимо в самом начале нашего труда отвести избыток почета от всего, что найдено до сих пор... и надлежащим увещанием достигнуть того, чтобы люди не преувеличивали и не прославляли изобилие и пользу того, что у них имеется»¹.

Современная Бэкону наука подобна человеку, который преувеличивает размеры полученного им наследства и не использует собственные способности для увеличения своего имущества. А между тем, по убеждению Бэкона, наука способна достигать приращения знаний, лишь освободившись от сковывающих уз древних авторитетов (ценность которых неоправданно преувеличивается) и направив способности человеческого разума на постижение истинной природы вещей, активно используя при этом методы наблюдения и эксперимента, укрепляя «истинное и законное сочетание способностей опыта и рассудка». Это условие соответствия науки собственному предназначению – быть «богатым хранилищем и сокровищницей, созданными во славу творца всего сущего и в помощь человечеству».

«Сокровищницу» не следует путать с «доходной торговой лавкой», равно как и с «ложем, на котором взволнованный и беспокойный ум

1 Бэкон Ф. Великое восстановление наук // Бэкон Ф. Соч. в 2-х т. Т. 1. М.: Мысль, 1977. С. 60.

мог бы отдохнуть», или с «крепостью, предназначенной для сражений и битв». Подлинный ученый в понимании Бэкона – тот, кто стремится к знанию «для того, чтобы данный от бога дар разума направить на пользу человеческому роду». Философ отмечает, что таких немного (ведь одни люди стремятся к знанию в силу врожденного беспредельного любопытства, другие – ради удовольствия, третьи хотят завоевать авторитет, четвертые – победить в состязании, а большинство – ради материальной выгоды). Однако именно соответствие науки своей подлинной цели «действительно украсило бы науку и подняло бы ее значение, если бы теория и практика соединились более прочными узами, чем до сих пор»¹.

В трактате «О достоинстве и приумножении наук» Бэкон утверждает, что «дары науки, обогащая целые королевства и республики, тем самым развивают и приумножают благосостояние и богатства также и отдельных лиц»². Он не жалеет аргументов и красноречия, чтобы убедить короля в необходимости оценить по достоинству значение науки и образования. Знание, считает он, – мощнейший источник власти над людьми, ибо на земле «нет никакой иной силы, кроме науки и знания, которая могла бы утвердить свою верховную власть над духом и душами людей, над их мыслями и представлениями, над их волей и верой». Монарх должен сыграть важнейшую роль в исправлении недостатков современного Бэкону положения науки и образования. В пример английскому королю он ставит мудрого царя Соломона. И не случайно в «Новой Атлантиде» названо Соломоновым домом «Общество изучения причин всех вещей», а древний правитель острова, установивший основные его законы, – Соламоной. «Новая Атлантида» – иллюстрация результатов, к которым должен привести тот комплекс мер по реорганизации науки, который намечается и обосновывается в трактатах философа.

Впечатляющая иллюстрация успехов индустриальной науки, представленная в «Новой Атлантиде», не выражает сколь-нибудь серьезной озабоченности автора проблемой доступности научных знаний для всех граждан государства. Более того, в тексте прямо указывается, что ученые Бенсалема делают достоянием публики далеко не любое свое открытие.

В утопии Кампанеллы знание – основная ценность, доступная всем. В городе, где золото и серебро ценится только как материал для посуды и для общих всем украшений, знание имеет статус

1 Бэкон Ф. О достоинстве и приумножении наук // Бэкон Ф. Соч. в 2-х т. Т. 1. М.: Мысль, 1977. С. 116.

2 Там же. С. 135.

всеобщего достояния, и солярии весьма преуспели в изобретении способов его изложения. Так, все науки изложены удивительно сжато и доступно в книге под названием «Мудрость», которую читают народу, согласно обряду пифагорейцев. Немалую помощь в усвоении знаний оказывают сопровождаемые краткими комментариями иллюстрации на городских стенах. Среди таких иллюстраций – математически фигуры («которых значительно больше, чем открыто Архимедом и Евклидом»), изображения земли и картины отдельных областей, дополняемые краткими словесными описаниями законов и нравов их обитателей, изображения существующих на свете морей, рек, озер и источников, минералов, деревьев, трав и животных. Количество видов и пород животных (включая выведенные человеком) намного превосходит то, что известно европейцам. Красота иллюстраций и сопутствующие им толковые пояснения восхищают Морехода. Значительное место в такой своеобразной настенной живописи (как и письме), служащей одновременно учебно-методическим материалом, уделено ремеслам. Путешественник видит орудия и способы их применения, портреты изобретателей орудий, вооружения, а также «изобретателей наук» и законодателей.

В городе Солнца дети с малых лет разглядывают настенные изображения и получают дополнительные пояснения наставников. Для выяснения наклонностей каждого ребенка малышей водят в мастерские к сапожникам, пекарям, столярам, живописцам. Семилетние дети (уже знакомые с основами математики по рисункам на стенах) направляются на лекции по всем естественным наукам, затем приступают к изучению более отвлеченных предметов, включая математику и медицину. Процесс обучения не сводится к пассивному восприятию, но предполагает обсуждения и споры. Успехи образования в Городе Солнца поразительны. Знания усваиваются с такой легкостью, что ученики за один год достигают больших результатов, чем за десять или пятнадцать лет в Европе. В этом Мореход убеждается на испытаниях детей, которые хорошо понимают итальянский язык. Знанию языков вообще уделяется много внимания в образовании соляриев: здесь изучают и арабский, и польский, и прочие языки. Приобретение знаний составляет основное содержание жизни подрастающего поколения, однако знания не замыкаются академическими дисциплинами: «Они не признают никакого иного отдыха кроме того, во время которого приобретают еще больше знаний, для чего и отправляются они в поле – заниматься бегом, метанием стрел и копий, стрелять из аркебузов, охотиться на диких зверей, распознавать травы и камни и т. д. и учиться земледелию

и скотоводству...»¹ Впоследствии молодые люди получают должности в области тех наук и ремесел, где больше всего преуспели.

Знание и владение мастерством служат здесь мерой достоинства человека: «И того почитают за достойнейшего, кто изучил больше искусств и ремесел и кто умеет применять их с большим знанием дела. Поэтому они издеваются над нами за то, что мы называем мастеров неблагородными, а благородными считаем тех, кто не знаком ни с каким мастерством, живет праздно и держит множество слуг для своей праздности и распутства, отчего, как из школы пороков, и выходит на погибель государства столько бездельников и злодеев»². Вся жизнь в Городе Солнца – реализация идеала компетентного управления, противопоставляемого безграмотности и безделью «благородных господ» Европы.

Место человека в наукократической утопии

Некоторые исследователи склонны считать взгляды Фрэнсиса Бэкона технократическими, учитывая огромное значение, которое придавал этот философ естествознанию и техническим изобретениям. Однако технократизм в его классическом виде, провозгласивший, что для эффективного управления мировой «индустриальной системой» власть должна перейти от «капитанов финансового мира» к инженерам и экспертам-естественникам, – детище конца XIX–начала XX веков, то есть эпохи, существенно отличной от времени Бэкона. Последнего занимала не «индустриальная система» (в XVII веке она еще не сложилась), а наука, познающая причины вещей. (Один из Бэконовых афоризмов гласит: «Знание и могущество человека совпадают, ибо незнание причины затрудняет действие. Природа побеждается только подчинением ей, и то, что в созерцании представляется причиной, в действии представляется правилом»³.) Поэтому предлагаемая нами характеристика желаемого для Бэкона состояния общества как «наукокрации» представляется более адекватной.

К тому же следует иметь в виду, что английский философ отнюдь не пренебрегал гуманитарным знанием. Напротив, он подчеркивал значение этого знания для построения человеческих отношений: «Роль науки в гражданских делах, в устранении неприятностей,

1 Кампанелла Т. Город Солнца // Утопический роман XVI–XVII веков. М.: Худ. лит., 1971. С. 154.

2 Там же. С. 152.

3 Бэкон Ф. Афоризмы об истолковании природы и царстве человека // Бэкон Ф. Соч. в 2-х т. Т. 2. М.: Мысль, 1978. С. 12.

которые человек приносит человеку, не во многом уступает другим ее заслугам в борьбе с теми трудностями человеческой жизни, которые создаются самой природой»¹.

Примечательно, что к числу гражданских наук Бэкон относил – наряду с «учением о правлении, или о государстве» и «учением о деловых отношениях» – также и «учение об обхождении». С сожалением писал он, что ученые пренебрегают мудростью обхождения с людьми, считая ее «чем-то рабски низким, да к тому же и прямо мешающим философским размышлениям», а потому не существует сколь-нибудь серьезных книг, соответствующих значимости данного предмета. Между тем умение вести себя свидетельствует об известном нравственном достоинстве и существенным образом влияет на успех в делах – как частных, так и общественных. Научные исследования в этой области (которую сегодня называют этикой общения), изложенные в соответствующих трактатах, способствовали бы тому, что «образованные люди, овладев некоторыми практическими навыками, далеко превзошли бы людей необразованных, несмотря на всю их долголетнюю практику, и, как говорят, значительно успешнее поражали бы их собственным оружием»².

Фрэнсис Бэкон в своей публицистике и академических трудах (иллюстрацией к социальным идеалам которых может считаться «Новая Атлантида») не жалел красноречия и аргументов, чтобы показать, сколь благотворны для государства образованные правители, создающие благоприятные условия для развития деятельной науки.

Может показаться, что Город Солнца Кампанеллы являет собой осуществление этой мечты об образованном правителе. Высшее должностное лицо данного государства – «Солнце», или Метафизик – человек, реализовавший свои исключительные способности в постижении множества наук и искусств. Он изучил историю всех народов, знаком со всеми ремеслами, знает науки физические, математические и астрологические (Кампанелла считал астрологию наукой, и притом одной из важнейших). Но особенно искушен такой человек в метафизике и богословии (Метафизик является также и священником) – он познал корни, основы и доказательства всех наук и искусств, корни и различия в вещах, необходимость, судьбу и гармонию мира и т. д.³

1 Бэкон Ф. О достоинстве и приумножении наук // Бэкон Ф. Соч. в 2-х т. Т. 1. М.: Мысль, 1977. С. 123.

2 Там же. С. 423.

3 См.: Кампанелла Т. Город Солнца // Утопический роман XVI–XVII веков. М.: Худ. лит., 1971. С. 152–153.

Однако наукократическое правление в кампанелловском Городе Солнца существенно отличается от наукокрации Бэконовой Новой Атлантиды. В Городе Солнца господствует наукокрация абсолютная. Наука нераздельна здесь со светской и духовной властью, а научная регуляция имеет весьма жесткий характер и охватывает все стороны жизни людей. Науки, наряду со свободными искусствами и ремеслами, находятся в ведении должностного лица, называемого Син (Мудрость), – одного из трех соправителей «Солнца». Имена подчиненных Мудрости – Астролог и Космограф, Геометр, Историограф, Поэт, Логик, Ритор, Грамматик, Медик, Физик, Политик, Моралист – отражают представление автора об основных разделах наук и искусств. На научную основу поставлена деятельность и других соправителей Метафизика – Пона (Мощи) и Мора (Любви).

Как правило, утопия основывается на предположении о значительных возможностях человеческого разума в познании мира и человека. Предполагается, что эти возможности достаточны для того, чтобы найти вариант наилучшей организации общества и реализовать его. Но могущество науки в представлении Кампанеллы столь велико и ученые способны приходить к столь безошибочным суждениям, что это позволяет регламентировать все стороны жизни человека, включая жилищные условия, распорядок дня, занятия, питание, деторождение.

Город Солнца – общество фундаментального холизма, в основе которого лежит соответствующая метафизика части и целого, дополняемая характерным для духа эпохи почитанием Природы. Целостность, проявляющаяся в природе, полагает итальянский мыслитель, должна быть реализована и в жизни социума. Эту позицию разделяют и «солярии» (жители созданного его воображением города). «Они считают, что в первую очередь надо заботиться о жизни целого, а затем уже его частей», – говорит Мореход об убеждениях «соляриев»¹. На этой позиции основана общинная организация жизни в Городе Солнца: отсутствие собственности, семьи, жесткая регламентация всех сторон человеческой деятельности. Характер управления определяется тем, что, на взгляд Кампанеллы, имеется существенное сходство между структурой социума и метафизической структурой человека: «Все существа метафизически состоят из мощи, мудрости и любви, поскольку они имеют бытие, и из немощи, неведения и ненависти, поскольку причастны небытию; и посредством первых стяжают они заслуги, посредством

1 Там же. С. 172.

последних – грешат»¹. Отсюда – имена и функции соправителей Метафизика-Солнца: Мощь, Мудрость и Любовь.

Нахождение индивида под постоянным наблюдением должностных лиц (призванных способствовать стяжанию им заслуг и предотвращению грехов), общие спальни и стол, единообразная одежда (простая и удобная), соединение женщин и мужчин лишь с разрешения «главного начальника деторождения – опытного врача, подчиненного правителю Любви» (принимающего во внимание прежде всего «природные качества производителей»), подбираемых таким образом, чтобы получить наилучшее потомство), – все эти черты жизненного уклада соляриев, приводящие в восхищение автора и его героев, могут создать впечатление, что Кампанелла – сторонник деспотического правления, подавляющего практически любые проявления свободы. В противоположность этому Бэконова «Новая Атлантида», где существует частная собственность, семья, основанная на взаимном влечении вступающих в брак, и где, наряду с богатством-знанием, почитается богатство в традиционном смысле (в виде золота, драгоценных камней, великолепных тканей, изысканных блюд и напитков) может показаться демократическим раем.

Однако противопоставления типа «демократия» – «тирания» неприменимы к рассматриваемым наукократическим утопиям. Важно иметь в виду, что в Городе Солнца собирается Совет, куда входят все граждане не моложе двадцати лет. Они высказываются о недочетах, имеющихся в государстве, дают оценку деятельности должностных лиц; последние сменяются по воле народа. Таким образом, неправомерно говорить об отсутствии демократии в Городе Солнца. Правда, четверо высших должностных лиц несменяемы и лишь на совещании меж собой могут передать свою должность другому, которого сочтут наиболее достойным. Но ведь и в Новой Атлантиде существует королевская власть, а Соломонов Дом отнюдь не предстает образцом демократии (и дело здесь не только в том, что повесть осталась незавершенной).

Оценивая отношения индивида и организации в терминах «холизм» и «меризм» (первый предполагает приоритет целого перед частью, а второй – наоборот), следует определенно признать, что Соломонов дом – организация скорее холистского, чем меристского характера. Ее члены-ученые – не одиночки, свободные в своем профессиональном поведении, но «винтики» единого механизма, подчиняющиеся жестким правилам. Высокий статус «Общества для познания природы всех вещей» налагает на его членов и особую

1 Там же. С. 184.

ответственность. Им под угрозой штрафа и бесчестья запрещается прибегать к обману зрения и иллюзиям при демонстрации природных явлений. Более того, они специально исследуют фокусы и разъясняют их обманчивость. На совещаниях в Соломоновом доме решается, какие из его открытий должны быть обнародованы, а какие нет. Из последних некоторые (но не все!) сообщаются государству. Ученые дают клятву хранить в тайне те открытия, которые решено не обнародовать. О некоторых из незасекреченных открытий они сообщают публично во время посещения главных городов королевства. Кроме того, ученые предсказывают эпидемии и стихийные бедствия и дают жителям советы, как предупредить эти нежелательные явления и бороться с ними.

Вместе с тем социально-политическое устройство всей счастливой страны являет собой компромисс между интересами целого и устремлениями частей. Влияние науки и ее определяющая роль в благоденствии жителей острова Бенсалема (Новой Атлантиды) вовсе не означает отождествления науки со светской властью. Соломонов дом является важнейшим институтом, однако способ его воздействия на общество и государство – информирование, а не приказы. Правители Бенсалема учитывают интересы своих подданных, их стремление к материальному благополучию, богатству и почестям. Заботясь о целом, они используют систему материального и морального поощрения за дела и поступки, способствующие благосостоянию страны. Так, поскольку приумножение числа подданных короля рассматривается здесь как приумножение его богатства, мужчина, имеющий не менее тридцати живых детей и внуков, получает королевскую грамоту с перечислением даруемых ему пенсий, привилегий, льгот и почестей.

В утопическом государстве Бэкона особо поощряется изобретательская деятельность. За каждое ценное изобретение автору воздвигается статуя (она может быть изготовлена из меди, мрамора, яшмы, кедрового или другого ценного дерева, позолоченного и изукрашенного, а также из железа, серебра или золота) и присуждается щедрое вознаграждение. Вознаграждение присуждается Соломоновым домом, но финансируется, по-видимому, все же правительством.

В отличие от Кампанеллы, Бэкон разводит науку и религию, относя нравственность и добродетель к ведению последней. С этим связано качественное ограничение научного знания, делающее невозможным принятие холистского идеала наукокрации.

В своем первом произведении, которое получило широкую известность, – сборнике эссе на моральные темы – Бэкон, характеризуя

связь богатства и добродетели, сравнивал первое с обозом, а вторую с армией: «...богатство для добродетели то же, что обоз для армии: без него не обойтись, нельзя также и бросить его, но он затрудняет движение, а забота о нем стоит подчас победы»¹. Много позже, воспевая знание как богатство в трактате «О достоинстве и приумножении наук», философ замечал, что знание и нравственность находятся в непростых отношениях: «...как бы мало и незначительно ни было знание, но если оно существует без своего противоядия, то содержит в себе нечто опасное и зловерное, в изобилии несущее в себе признаки высокомерия»². «Противоядие», способное сдерживать неумеренные претензии знания и сделать его в высшей степени полезным, Бэкон видел в благочестии. Осознание невозможности проникнуть в божественные тайны путем изучения природы, необходимость помнить о смертности человека и использовать знание так, чтобы оно рождало не беспокойство, а спокойствие души – вот чего, с точки зрения Бэкона, требует благочестие. Никакие успехи науки не могут заменить религию как источник морали.

И все же научное знание, ограниченное в качественном отношении благочестием, беспредельно в отношении количественном. Наукам следует уподобиться механическим искусствам, взяв за основание не мнение авторитетов, а природу и опыт. Развитие науки должно являть образ не «учителя и слушателя», а «изобретателя и того, кто прибавляет к изобретениям нечто выдающееся». Тогда оно может разделить судьбу механических искусств, которые «...как бы восприняв какое-то живительное дуновение, с каждым днем возрастают и совершенствуются и, являясь у первых своих творцов по большей части грубыми и как бы тяжеловесными и бесформенными, в дальнейшем приобретают все новые достоинства и какое-то изящество, так что скорее прекратятся и изменятся стремления и желания людей, чем эти искусства дойдут до предела своего совершенствования»³. Образцы механического искусства Бэкон применял не только к науке, но и к жизни отдельного человека: «человек – мастер своей судьбы – должен умело пользоваться своей линейкой и правильно прилагать ее, т. е. заставить свой ум определять значение и ценность всех вещей в зависимости от того,

1 Бэкон Ф. Опыты или наставления нравственные и политические // Бэкон Ф. Соч. в 2-х т. Т. 2. М.: Мысль, 1978. С. 429.

2 Бэкон Ф. О достоинстве и приумножении наук // Бэкон Ф. Соч.: В 2-х т. Т. 1. М.: Мысль, 1977. С. 87.

3 Бэкон Ф. Великое восстановление наук // Бэкон Ф. Соч. в 2-х т. Т. 1. М.: Мысль, 1977. С. 61.

насколько они способствуют достижению им своих целей и своего счастья, заботясь об этом непрестанно, а не от случая к случаю»¹.

И это не удивительно. Без успехов «механических искусств» было бы невозможно стремительное промышленное развитие Англии, начавшееся в середине XVI века. Оно основывается на изобретениях и стимулирует новые достижения технической мысли. Прибыли, приносимые производством, обнаруживают зависимость богатства в традиционном смысле этого слова (в виде золота и драгоценных металлов, роскошных жилищ и предметов потребления) от человеческого умения использовать в своих целях силы природы. Это способствует выдвиганию на первый план проблем изучения природы, обнаружения причин явлений как актуальных для науки, создает благоприятный контекст для применения техницистско-предпринимательской парадигмы к человеческим делам.

Бэкон – политический деятель заботится о благе своей страны и о собственных успехах. Бэкон-философ стремится освободить человеческий разум от предрассудков, открыть дорогу для предприимчивости во всех областях: в науке, управлении государством, в устройении человеком своих частных дел. При этом речь идет о предприимчивости разумной – озаренной светом знания, выверенной с помощью интеллектуального инструментария (разработкой которого и занимается философ в своем «Новом органоне»), а также сообразуемой с благочестием, невысказанным без религиозной морали.

Утопичны ли наукократические утопии?

Существует различие между утопией как литературным жанром и утопией как несбыточной социальной мечтой, которая может быть представлена в публицистике или академических текстах. «Город Солнца» Кампанеллы, как и Бэконова «Новая Атлантида», – откровенная утопия, повествование о «месте, которого нет», «Нигде-есть». Но утопичны ли наукократические идеалы, которые авторы «воплощают» в картинах жизни воображаемых городов, а также пропагандируют в своих трактатах?

Если опустить детали, без которых невысказанно литературное произведение, и неизбежные в философских работах следы места и времени их создания, то вопросы о реализуемости наукократических идеалов будут выглядеть примерно так. Возможно ли общество, где власти осознают значение науки как основного богатства, а ученые занимают высокое социальное положение? Где наука,

1 Бэкон Ф. О достоинстве и приумножении наук // Бэкон Ф. Соч. в 2-х т. Т. 1. М.: Мысль, 1977. С. 464.

ориентированная на открытия и изобретения, умножает власть человека над природой и становится основой потрясающих технических достижений? Где научные исследования – дело не одиночек, но организаций с методичным разделением труда и иерархией, необходимой для получения конечного результата?

В начале XXI века положительный ответ на такие вопросы может показаться очевидным. Пожалуй, расхождения возникнут в оценках реального статуса ученых в тех или иных странах, да в интерпретациях характера власти человека над природой с учетом экологических проблем. В последние три столетия были реализованы многие из идей английского лорд-канцлера. Его Соломонов дом стал предвосхищением будущих европейских академий наук (организаторы Лондонского королевского общества прямо заявляли, что они лишь выполняли программу Бэкона). Социальная ответственность ученого, вполне осознаваемая жрецами науки острова Бенсалем, осмысливается в ключевых понятиях этики науки – интеллектуального направления, оформившегося во второй половине XX века. А шпионское мастерство бенсалемцев, о котором с восхищением говорится в «Новой Атлантиде», побуждает вспомнить о репутации современной английской разведки.

Пафос Бэконова отношения к знанию как богатству находит новое оправдание в концепциях постиндустриализма и информационной экономики. Американский социолог Дэниел Белл, родоначальник идеологии постиндустриализма, провозгласил научное знание «осью» постиндустриального общества. Знание и информация рассматриваются им и его единомышленниками как стратегический ресурс постиндустриального общества. Ставятся проблемы точного определения ценности нового знания и образования, создания информационной теории стоимости. Ведущая роль научного знания должна определить, по мнению Белла, положение ученого как центральной фигуры общества. Не фирма, но университет будет ключевым институтом общества в последующие столетия, утверждал он в книге, изданной в 1973 году. «Бережное отношение к талантам и распространение образовательных и интеллектуальных институтов, – писал Белл, – станет главной заботой общества»¹.

Следует отметить, что Белл выдвигал свои утверждения о переходе общества в постиндустриальную стадию как прогностические, обосновывая их ссылками на статистические данные и результаты социологических исследований, свидетельствующие о наличии

1 Bell D. The Coming of Post-Industrial Society. A Venture in Social Forecasting. N. Y.: Basic Books Inc., 1973. P. 345.

соответствующих тенденций. Тем не менее, некоторые из его идей были восприняты как утопические по своей сути. Такова, например, идея перераспределения власти в пользу элиты, принадлежность к которой определяется квалификацией, получаемой индивидом благодаря образованию, а не собственностью или вхождением в политическую группу.

Проблематичность наукокрации не только как осуществимого, но и как желаемого идеала приобретает новый смысл в эпоху технологизации науки и коммерциализации техники, когда остро осознается зависимость процесса поиска истины от внешних структур (научно-организационных, экономических или политических). Тем не менее, ресурсы социального влияния науки – в том числе характерных для нее установок на объективность, рациональность и надежность знания – далеко не исчерпаны.

Приложение 2

ТЕМА ЗНАНИЯ У ПЛАТОНА И АРИСТОТЕЛЯ

Тема знания всегда была одной из центральных в философии. Что такое знание? Чем отличается настоящее знание от того, что может быть принято за знание, однако таковым не является? Как устроено знание? Какие бывают виды знания? Не многим из людей, чьи имена вписаны в историю философии, удалось обойти вниманием подобные вопросы. Ответы на эти вопросы зависели от особенностей авторского мировидения и понятийных средств, характерных для систем или подходов, в рамках которых рассматривалась тема знания.

Вопрос «Что есть знание?» в диалогах Платона

Первое обстоятельное исследование феномена знания мы находим в диалогах Платона. В числе вопросов, обсуждаемых в «Государстве»¹, – вопрос о качествах, которыми должны обладать правители. Любовь к истине и способность к познанию в подлинном смысле слова – вот, по мнению Платона, необходимые свойства тех, кто может стоять у власти в идеальном государстве. Таких людей нужно уметь выделить среди прочих, также имеющих тягу к познанию и учению. Способных к достижению подлинного знания необходимо отличить от тех, кто радуется знакомству с новым, однако не может пойти дальше мнения. Отсюда – задача различения знания и мнения, которая следующим образом формулируется главным действующим лицом диалога, Сократом: «Если тот, о ком мне сказали, что он только мнит, но не познает, станет негодовать и оспаривать правильность наших суждений, могли бы мы его как-то унять и спокойно убедить, не говоря открыто, что он не в своем уме?» Убеждение

1 Платон. Соч. в 3-х т. М.: Мысль, 1968–1972. Т. 3 (1). С. 277–284.

предполагаемого оппонента (т. е. проведение различия между мнением и знанием) основывается на различении мира идей (чистого бытия) и мира вещей (промежуточного между чистым бытием и полным небытием). Знание и мнение понимаются как способности, не совпадающие по направленности: знание направлено на чистое бытие, а мнение – на область, промежуточную между бытием и небытием. (В диалоге говорится о еще одной способности – незнании; утверждается, что незнание направлено на полное небытие.) Люди, которые замечают много прекрасного, радуются прекрасным звукам, краскам, очертаниям, но не видят прекрасного самого по себе или замечают много справедливых поступков, но не справедливость саму по себе, «имеют обо всем этом лишь мнение, но они не знают ничего из того, что мнят». Знают же, по Платону, те, кто созерцает, собственно, идеи прекрасного и справедливого, «вечно тождественные самим себе».

В данном примере мы находим характерный для философской классики мотив. Речь идет о ситуации, когда возникает задача отличить знание от того, что иногда претендует на статус знания и может быть принято за таковое, однако на самом деле знанием не является. В качестве соотносимых со знанием феноменов подобного рода выступают мнение, вера, убеждение. Конкретные обстоятельства постановки такой задачи могут быть различными. В рассматриваемом примере «разведение» знания и мнения потребовалось для того, чтобы охарактеризовать качества правителей идеального государства. Знание, трактуемое как способность к постижению «чистого бытия», входит в число таких качеств. Это обстоятельство существенным образом влияет на результат исследования проблемы знания в «Государстве»: способности знать и иметь мнение трактуются в этом диалоге не как присущие одному и тому же человеку (который может что-то знать, а о чем-то иметь лишь мнение), но как характеризующие разные типы людей. Получается, что одни люди способны знать, другие же – только мнить.

Концептуальный инструментарий исследования знания составляют в данном случае понятия платоновской онтологии. Это понятия о бытии, небытии и промежуточной сфере, а также понятие способности как особого вида сущего, в которой Платон усматривает «лишь то, на что она направлена и каково ее воздействие». Именно использование этого концептуального инструментария приводит к постановке вопроса о различии объектов знания и мнения.

Стройность и эффектность метафизической конструкции, создаваемой в ходе рассмотрения знания в «Государстве» – одним

из диалогов позднего периода, – оплачена ценой значительного расхождения предлагаемых решений с практикой приписывания когнитивных оценок. В диалоге утверждается, что не может быть знания и мнения об одном и том же. Однако в жизни мы можем оценивать одно суждение как выражающее знание о некотором предмете, а другое – как выражающее мнение о том же самом предмете.

Примечательно, что в диалоге «Менон», относящемся к более раннему периоду творчества Платона, совпадение предмета знания и предмета мнения принимается как нечто само собой разумеющееся. Основное отличие знания от мнения усматривается здесь в способе достижения того и другого человеком, а также в некоторых структурных характеристиках. Например, знание дороги в город сопоставляется с правильным мнением о ней. При этом подчеркивается, что по практической значимости последнее может не уступать первому: человек, имеющий верное мнение о том, где проходит дорога в город, может повести в данный город людей не менее успешно, чем тот, кто знает эту дорогу¹. Человек, имеющий правильное мнение, характеризуется здесь как тот, кто «правильно предполагает, где эта дорога, но никогда не ходил по ней и не знает ее». Отсюда следует, что знающий дорогу должен был пройти по ней ранее сам. Таким образом, знание основывается на непосредственном восприятии познаваемого предмета. Тот же мотив встречается в диалоге «Теэтет». Здесь говорится о судьях, которые не были очевидцами разбираемых в ходе суда событий и, следовательно, не имеют знания о них. Судьи получают информацию, позволяющую им составить мнение об этих событиях, – «судят обо всем по слуху, получив истинное мнение, но без знания». Однако на основе истинного мнения, отмечает Сократ, судьи могут выносить правильные решения. Следует подчеркнуть, что, считая непосредственное восприятие необходимым для знания, Платон отнюдь не склонен отождествлять знание с ощущением. Более того, в «Теэтете» дана обстоятельная критика сенсуалистических теорий познания.

В «Меноне» общим предметом для знания и мнения выступают не только материальные вещи и события повседневной жизни, но и математические сущности. Мальчик-раб, никогда не изучавший геометрии, приходит к правильному решению задачи удвоения квадрата, отвечая на наводящие вопросы Сократа. Объяснение этому дается следующее. В человеке, который не знает чего-нибудь, живут верные мнения насчет того, чего он не знает. Разбуженные вопросами, эти мнения «зашевелились в нем, словно сны», и он

1 Там же. Т. 1. С. 406.

нашел в самом себе знания о рассматриваемых объектах, ведь «...истинные мнения, если их разбудить вопросами, становятся знаниями»¹.

Существует точка зрения (ее высказывал Я. Хинтиikka), согласно которой примеры трактовки Платоном знания и мнения как имеющих один и тот же объект неадекватны платонистской концепции, и это делает бессмысленными все попытки получить из них какие-либо сведения относительно «платоновского реального понимания» знания и истинного мнения². С таким утверждением можно было бы согласиться, если бы «платоновское реальное понимание знания» можно было отождествить с эпистемологической концепцией, представленной в «Государстве». Действительно, последняя является органичной частью «зрелой доктрины платонизма» и разделяет все ее метафизические достоинства. Однако более ранние попытки Платона исследовать феномен знания не становятся от этого менее интересными. Напротив, мы находим, что Платон, рассматривая феномен знания вне жестких онтологических рамок, принимаемых в «Государстве», смог выявить аспекты и наметить вопросы, разработке которых посвящали усилия философы последующих столетий. Эти вопросы приобрели новую актуальность в условиях медиатизации и информатизации общества, с ростом объемов информации, которую человек получает по техническим каналам связи.

Один из важных вопросов такого рода касается роли личного опыта в получении знания, а также ценности и надежности информации, получаемой от других людей. Эта проблема, лишь намечаемая Платоном в «Тезетете» и «Меноне» (Сократ здесь всячески подчеркивает ценность верных сведений, полученных от других), становится одной из центральных в средневековой философии (где она обсуждается как проблема знания, веры и авторитета), а сегодня трансформируется в проблему доверия к результатам переработки информации с использованием современных технологий.

Еще одна важная проблема, намечаемая Платоном в «Меноне», – это проблема структурной организации знания. Поскольку Платон – автор «Менона» в отличие от Платона – автора «Государства» еще не разводит объекты знания и объекты мнения, он должен искать другие характеристики знания, позволяющие отличить последнее от истинного мнения. Отправная точка в этом поиске – признание большей ценности знания по сравнению с истинным мнением. Чтобы

1 Там же. Т. 1. С. 392.

2 Хинтиikka Я. Логико-эпистемологические исследования. М.: Прогресс, 1980. С. 387.

объяснить особую ценность знания, Сократ прибегает к сравнению истинных мнений с Дедаловыми статуями. Статуи, сделанные мастером Дедалом, по преданию, могли двигаться, как живые. Эти статуи, говорит Сократ, стоят на месте лишь тогда, когда они связаны, если же их не связать, они разбегаются, а потому «...владеть этими творениями, если они свободны, мало проку, как и владеть человеком, склонным к побегам: все равно они на месте не останутся. А вот иметь их, если они связаны, весьма ценно: уж очень хороши эти изваяния... истинные мнения тоже, пока они остаются при нас, вещь очень неплохая и делают немало добра; но только они не хотят долго оставаться при нас, они улечиваются из души человека и потому не так ценны, пока их не связывают суждением о причинах. А оно и есть, друг мой Менон, припоминание, как мы с тобой недавно установили. Будучи связанными, мнения становятся, во-первых, знаниями и, во-вторых, устойчивыми. Поэтому-то знание ценнее правильного мнения тем, что оно связано»¹.

Таким образом, специфической чертой знания Платон – автор «Менона» считает определенную организованность, структурированность. К сожалению, на основании слов самого Платона трудно судить о том, каким именно образом эта структурированность – «связывание суждением о причинах» – осуществляется. Что представляют собой «связываемые» элементы – мысли, состояния сознания, идеи или способности? В диалоге «Государство» Платон называет знания и мнения способностями, однако вряд ли знание, как оно описывается в «Меноне», может быть истолковано подобным образом. По-видимому, неправомерно называть связываемые элементы идеями – в силу особенностей платоновского понимания идей и той роли, которую понятие идеи играет в онтологии Платона. Вероятно, более оправданно говорить в данном случае о мыслях или состояниях сознания, однако и это мы можем сделать лишь с известной степенью риска, учитывая неоднозначность платоновской онтологии знания.

Не больше ясности и в вопросе о том, что представляет собой связующее звено суждение о причинах. В приведенном выше отрывке сказано, что суждение о причинах есть припоминание, и при этом дается ссылка на предшествующую часть диалога, где устанавливается, что знание есть припоминание. Однако в указанной части диалога (знаменитая беседа Сократа с мальчиком-рабом, в процессе которой последний приходит к правильному решению задачи удвоения квадрата) мы не встречаем суждений явно каузального характера.

1 Платон. Соч. в 3-х т. М.: Мысль, 1968–1972. Т. 1. С. 407.

Можно попытаться проинтерпретировать некоторые рассуждения из этой части диалога в каузальных терминах, однако мы не будем уверены, что получим именно те «суждения о причинах», о которых идет речь в процитированном отрывке и в заключительной части. Несмотря на все неясности, связанные с замечаниями Платона о структуре знания, трудно переоценить важность проблематики, обозначенной здесь древнегреческим философом. Платон не только попытался выявить то, что мы можем назвать структурной организацией знания, но и обратил внимание на практическую ценность структурированности знания. Именно «связанность», утверждает он, облегчает хранение и пользование знаний.

Сходный мотив встречается в «Теэтете». Здесь платоновские представления о структурированности знания воплощаются в метафорическом образе «голубятни для всевозможных птиц, где одни будут жить стаями отдельно от других, другие же либо небольшими гнездовьями, либо поодиночке, летая среди остальных как придется»¹. Аналогичным образом, по Платону, хранятся знания в каждой душе: «Следует сказать, что, пока мы дети, эта клетка бывает пустой – ведь под птицами я разумею знания, тот же, кто приобрел знание, запирает его в эту ограду... Впоследствии, когда вздумается, он опять ловит знание. И, поймавши, держит, а потом снова отпускает...»²

Вопрос о возможном субъекте знания также ставился Платоном. Согласно позиции, изложенной в «Государстве», субъектом знания может быть далеко не всякий человек: знать могут лишь избранные, те, которые достойны быть правителями в идеальном государстве. Удел прочих – только мнить. Такое решение вопроса о субъекте знания обусловлено, с одной стороны, задачами социального проекта Платона – устройства идеального государства со строгим разделением функций между его гражданами, а с другой стороны, особенностями понятийного инструментария, используемого в этом диалоге для рассмотрения феномена знания. Речь идет, прежде всего, о понятии знания как способности. Из того, что знание есть способность, а люди различаются по своим способностям, сделан вывод, что одни из людей обладают способностью знать, а другие – нет.

Разумеется, это не единственный логически возможный путь рассуждения. С не меньшим основанием можно было утверждать,

1 Там же. Т. 2. С. 300.

2 Там же.

что один и тот же человек в определенный момент своей жизни обладает способностью знать одни предметы (принадлежащие, в соответствии с онтологическими взглядами Платона, к области чистого бытия) и не обладает этой способностью в отношении других предметов из той же области. Однако подобный вывод не столь отвечал бы задачам упомянутого социального проекта, как выделение особого класса людей, способных знать. Вместе с тем рассмотрение знания в «Меноне», осуществляемое в ином контексте и посредством иного концептуального аппарата, предполагает, что субъектом знания является всякий человек. Знания живут в каждой душе, и мальчик-раб, не обучавшийся ранее геометрии, имеет геометрические знания. Таким образом, платоновский анализ феномена знания может служить убедительной иллюстрацией того, как один и тот же исследователь, в зависимости от изменяющегося контекста и инструментария, приходит к различным результатам и создает, по существу, разные концепции знания.

Древнюю родословную имеет популярный сегодня вопрос о видах знания. Собеседник Сократа Теэтет в одноименном диалоге говорит о двух видах знания. К первому относится геометрия, астрономия, счет и музыка. Ко второму виду Теэтет относит ремесло сапожника и другие ремесла – ведь они есть не что иное, как знания того, как изготавливать обувь, деревянную утварь или иные предметы¹. Разведение упомянутых видов знания в два различных класса правомерно истолковать как различение знания – выражения истины, с одной стороны («знание, что»), и знания как умения («знание как») – с другой. Некоторые оговорки должны быть сделаны относительно зачисления музыки в разряд «знания, что» – это возможно лишь постольку, поскольку речь идет о теоретических основах музыкального искусства.

Обстоятельный анализ особенностей различения двух видов знания у Платона был дан Я. Хинтиккой. Заметим лишь, что к «знанию как» Платон относил не только ремесло и искусство как художественное творчество, но также умение поступать справедливо, быть добродетельным. Этот подход развивался позднее Аристотелем, и не лишена оснований точка зрения, что концепция неявного знания М. Полани, как и витгенштейновские представления о неявном знании, необходимо связанном с использованием языка, являются в известном смысле продолжением античной традиции, не ограничивавшейся пропозициональной трактовкой знания.

1 Платон. Соч. в 3-х т. М.: Мысль, 1968–1972. Т. 2. С. 225–256.

Онтология знания в трактатах Аристотеля

Аристотель называл знание «постижением, неколебимым никакими доводами»¹. Но у этого же философа мы находим и характеристику знания как соотнесенного. Соотнесенное – одна из десяти аристотелевских категорий. Другие девять – сущность, количество, качество, место, время, положение, обладание, действие и претерпевание. Соотнесенным, по Аристотелю, «...называется то, о чем говорят, что то, что оно есть, оно есть в связи с другим или находясь в каком-то ином отношении к другому»². Знание есть соотнесенное, ибо то, что оно есть, оно есть в связи с другим: ведь знание – это знание о чем-нибудь: «...о знании говорят, что оно знание познаваемого, а о познаваемом говорят, что оно познается знанием»³. Однако знание у Аристотеля – не только соотнесенное, но и качество. «Качеством я называю то, благодаря чему предметы называются такими-то», – говорит Аристотель⁴. При этом знание относится к такому виду качества, как устойчивое свойство (преходящее свойство – тоже вид качества): «...знание, надо полагать, есть нечто прочное и с трудом меняющееся, даже если постигли его в малой степени, разве только произойдет значительная перемена из-за болезни или чего-то другого в этом роде»⁵. Знание нельзя считать преходящим свойством: «...ведь о тех, кто не вполне владеет знаниями и легко поддается изменению, не говорят, что они обладают таким-то свойством, хотя они, конечно, находятся в каком-то отношении к знанию – либо в худшем, либо в лучшем»⁶.

Итак, Аристотель относит знание, по крайней мере, к трем категориям: соотнесенное, качество и, по-видимому, обладание (состояние) – поскольку именно таким образом, как результат действия, следует понимать знание, рассматриваемое как постижение. Нет ли здесь противоречия? Отрицательный ответ на этот вопрос дает сам Аристотель, указывая, что обладание следует понимать как соотнесенное, поскольку обладание есть обладание чем-нибудь⁷, и что свойства также принадлежат соотнесенному в том смысле, что у всех у них роды суть соотнесенное – «...относительно знания

1 Аристотель. Соч. в 4-х т. М.: Мысль, 1976–1984. Т. 2. С. 435.

2 Там же. С. 66.

3 Там же. С. 67.

4 Там же. С. 72.

5 Там же. С. 72–73.

6 Там же. С. 73.

7 Там же. С. 66.

как рода говорится, что то, что оно есть, оно есть в связи с другим (ведь говорят: знание чего-то)¹. Вместе с тем ни одно «отдельное свойство» не есть соотношенное: о каждой отдельной отрасли знания не говорят, что то, что она есть, она есть в связи с другим; например, о грамматике не говорят, что она грамматика чего-то, и об искусстве музыки – что она музыка чего-то; разве только через род они могут быть обозначены как соотношенное: например, грамматика называется знанием чего-то, а искусство музыки – знанием чего-то, а не музыкой чего-то. Так что отдельные отрасли знания не принадлежат к соотношенному. Между тем, замечает Аристотель, мы называемся такими-то и такими-то в соответствии с отдельными отраслями знания, ведь как раз ими мы обладаем; в самом деле, знающими мы называемся потому, что мы обладаем каким-нибудь из отдельных знаний. Вот почему эти знания будут качествами².

Таким образом, знание как род есть соотношенное, а «отдельные отрасли знания» суть качества. Заметим, что, говоря о знании как соотношенном, Аристотель имеет в виду отношение «знание–познаваемое (знаемое)». Если же знание рассматривается как качество, то речь идет о качестве познающего (знающего). Таким образом, принимаются во внимание различные аспекты триады «субъект–знание–объект».

Отнесение Аристотелем знания к такому типу качества, как устойчивое свойство, соответствует платоновскому истолкованию знания как способности («динамис»). «Динамис» у Платона обладает не только значительной степенью устойчивости, но и органично присуща одним людям, отсутствуя у других: вспомним подразделение людей, на способных знать и способных лишь мнить в платоновском «Государстве». Вместе с тем платоновская онтология знания не проводила различия между отношением «субъект–знание» и «знание–объект». Знание как способность определяется у Платона прежде всего объектом, на который эта способность направлена (для знания таким объектом является подлинное бытие). При этом, как справедливо заключает Я. Хинтиikka на основании анализа платоновских текстов, Платон не всегда проводил ясное различие между объектами познания и функциями или продуктами познавательной способности³.

1 Там же. С. 95.

2 Там же. С. 78–79.

3 См.: Хинтиikka Я. Логико-эпистемологические исследования. М.: Прогресс, 1980. С. 365.

Аристотель, различая отношения «знающий–знание» и «знание–знаемое», выделяет, таким образом, из единой «динамис» знание как устойчивое свойство и знание как соотнесенное – тем самым делая шаг в направлении современных способов рассмотрения знания. Вместе с тем у Аристотеля сохраняется принципиальное различие объектов знания и псевдознания (в качестве последнего выступает мнение) – правда, это различие не тождественно платоновскому.

В отличие от Платона, Аристотель считает, что предмет знания и предмет мнения в некотором смысле один и тот же: например, может существовать и знание о человеке, и мнение о том же человеке. Вместе с тем предметы знания и псевдознания различаются как разные виды (или уровни) реальности, по-разному постигаемые. Аристотель утверждает: «...знание [рассматривает] живое существо так, что оно не может не быть живым существом, мнение же – так, что это возможно, например, если первое [рассматривает] человека по самому существу, второе же хотя и [рассматривает] человека, но не по самому существу. В самом деле [рассматривается знанием и мнением] одно и то же, т. е. человек, но способ [рассмотрения] не один и тот же»¹.

В «Метафизике» знание рассматривается как одна из разновидностей «динамис», а именно как начало движения или изменения вещи. Так, строительное искусство есть возможность изменять то, на что оно направлено как деятельность. В трактате «О душе» Аристотель говорит о знании в общем смысле как о способности или возможности: «Мы говорим о чем-то знающем, во-первых, в том смысле, в каком мы говорим о знающем человеке, что он принадлежит к знающим и обладающим знаниями, во-вторых, в том смысле, в каком мы называем знающим того, кто владеет грамматикой. Каждый из них обладает возможностью не в одинаковом смысле, а один обладает ею потому, что принадлежит к такому-то роду, т. е. к чему-то материальному (hyle), а другой потому, что он может что-то исследовать, когда хочет, если только не будет внешнего препятствия. А тот, кто уже исследует, есть знающий в действительности, он в полном смысле слова знает [например], вот это А»².

В анализе отношения знания, его субъекта и объекта заметную роль играет понятие формы. Форма у Аристотеля обеспечивает единство данной триады. В трактате «О душе» по этому поводу утверждается следующее: «...мы познаем, во-первых, благодаря

1 Аристотель. Соч. в 4-х т. М.: Мысль, 1976–1984. Т. 2. С. 313–314.

2 Аристотель. Соч. в 4-х т. М.: Мысль, 1976–1984. Т. 1. С. 406.

знанию; во-вторых, душой...»¹; душа необходимо должна быть либо предметами, которые познаются или ощущаются (а это, по Аристотелю, не одно и то же), либо их формами; «однако самими предметами она быть не может: ведь в душе находится не камень, а форма его. Таким образом, душа есть как бы рука: как рука есть орудие орудий, так и ум – форма форм, ощущение же – форма ощущаемого»². Это позволяет Аристотелю утверждать, что знание в возможности тождественно своему предмету в возможности. Более ясно этот довод можно представить, по-видимому, сказав, что если душа обладает возможностью знания предмета, то в ней содержится, в возможности, форма предмета. И поскольку форма, по Аристотелю, есть действительность (энтелехия), в ней содержится и возможность действительности предмета – короче, возможность предмета. В этом смысле знание в возможности тождественно своему предмету в возможности. Понятие формы используется Аристотелем и в рассмотрении отношения знания и его субъекта: «...знание есть образ, некая форма, смысл и как бы деятельность способного к нему»³.

Представления о знании как об устойчивом свойстве знающего человека и как о познавательной способности души по-разному преломлялись в концепциях знания, разрабатывавшихся после Аристотеля. Складывавшийся уже у Аристотеля взгляд на знание как на особый род сущего, противопоставляемый материи («Материя есть возможность, форма же – энтелехия, и именно в двояком смысле, в таком, как знание, и в таком, как деятельность созерцания»⁴), находит новое выражение в рационалистической метафизике Декарта, где знание рассматривается как охватываемое мыслящей субстанцией.

Декарт утверждает, что все свойства, которые мы находим в мыслящей вещи, суть разные модусы мышления. Таковы, например, воображения, чувства, желания. О вещах как о модусах субстанции говорится в тех случаях, когда нужно провести различие между вещами, имеющими одну и ту же субстанцию (или относящимися к одной и той же субстанции), поскольку «их субстанция иначе располагается или разнообразится»⁵. В качестве модусов мыслящей субстанции рассматриваются утверждение и воспоминание⁶.

1 Там же. С. 398.

2 Там же. С. 439.

3 Там же. С. 398.

4 Там же. С. 394.

5 Декарт Р. Избранные произведения. М.: Политиздат, 1950. С. 450.

6 Там же. С. 453.

Приведенные замечания позволяют думать, что знания правомерно интерпретировать в духе Декарта как модусы мыслящей субстанции.

Взгляд на знание как на модус субстанции недвусмысленно выражен Спинозой – правда, в контексте иного учения о субстанции и ее атрибутах. Единственной субстанцией этот философ считает Бога, а протяженность и мышление рассматриваются как его атрибуты. Модус Спиноза определяет как «состояние субстанции» (*substantiae affecto*) – иными словами, то, что существует в другом и представляется через это другое¹. Мнение, вера и знание относятся к числу модусов, из которых состоит человек².

Примечательная черта подхода к знанию в трудах Декарта и у Спинозы – отсутствие противопоставления знания псевдознанию (противопоставления, столь характерного для Платона и Аристотеля). Исследуя различные виды познания, Декарт и Спиноза выделяют в качестве высшего вида «ясные и отчетливые представления ума», или «ясное познание», «знание интуитивное»³. В то же время Декарт говорит о «неясных восприятиях» как о виде знания. Наиболее совершенным способом познания и наиболее совершенным его результатом становится у Декарта не знание вообще, а «ясное познание», «ясное знание». Это позволяет рассматривать позиции Декарта и Спинозы как предвосхищение современных расширительных трактовок знания.

1 *Спиноза Б. Избранные произведения. В 2-х т. М.: Политиздат, 1957. С. 361.*

2 Там же. С. 113.

3 Там же. С. 439.

Научное издание

Алексеева Ирина Юрьевна

ЧТО ТАКОЕ ОБЩЕСТВО ЗНАНИЙ?

Оригинал-макет и верстка – *С. С. Фёдоров*

Корректор – *Л. В. Бармина*

Издательство «Когито-Центр»

129366, Москва, ул. Ярославская, 13

Тел.: (495) 682-61-02

E-mail: post@cogito-shop.com, cogito@bk.ru

www.cogito-centre.com

Сдано в набор 15.12.09. Подписано в печать 24.12.09

Формат 60×90/16. Бумага офсетная. Печать офсетная

Гарнитура итс СНАРТЕР. Усл. печ. л. 6. Уч.-изд. л. 4,5

Тираж 300 экз. Заказ .

Отпечатано с готовых диапозитивов в ФГНУ «Росинформагротех»

141261, Россия, Московская область,

Пушкинский район, пос. Правдинский, ул. Лесная, 60